

Третий всадник мрака

Автор:

Дмитрий Емец

Третий всадник мрака

Дмитрий Емец

Мефодий Буслаев #3

Полубоги не уходят без следа. Они не могут покинуть этот мир, не передав бессмертие и дар... Валькирия умирала... Умирала, раненная мечом, который разит даже бессмертных. Умирала в кухне зауряднейшего из домов, на полу, залитом ее кровью. Рядом с ней лежала Ирка, упавшая с инвалидного кресла и с ужасом и восторгом внимавшая словам неожиданной «гостьи». Отныне Ирка становится валькирией! Нет больше беспомощной калеки! Ей предстоит сразиться с третьим всадником мрака. А вскоре она узнает, что это призрак бывшего властелина мрака Кводнона, выпустивший посланца из-за Жутких Ворот, который и погубил валькирию. Кводнон собирается воплотиться в Мефодия Буслаева. И если это произойдет...

Дмитрий Емец

Третий всадник мрака

Зеркало в зеркало, с трепетным лепетом,

Я при свечах навела;

В два ряда свет – и таинственным трепетом

Чудно горят зеркала.

Страшно припомнить душой оробелою:

Там, за спиной, нет огня:

Тяжкое что-то над шеею белою

Плавает, давит меня!

Ну как уставят гробами дубовыми

Весь этот ряд между свеч!

Ну как лохматый с глазами свинцовыми

Выглянет вдруг из-за плеч!

Ленты да радуги, ярче и ярче дня:

Дух захватило в груди:

Суженый! Золото, серебро!.. Чур меня,

Чур меня – сгинь, пропади!

А.А. Фет

Глава 1

Дебют тетушки интуиции

– Депресняк! – позвала Даф.

Ноль внимания, фунт презрения.

– Эй, гараа-аж! Ау! Депресня-я-я-як!

Опять ничего.

– Серные пробки в ушах, да? Небось слово «лопачь» ты сразу слышишь!

Кот, сидевший на плече у Дафны, лениво повернул голову. В прищуренных глазах плескало багровое пламя. К морде пристало воронье перо. Адский котик своеобразно решал вопросы с удовольствием. Хозяйка пера не успела даже каркнуть, встретившись со своей судьбой.

– О, услышал! Ты не знаком случайно с каким-нибудь крылатым котом, которого можно на скорую руку сдать в зоомагазин и получить за это деньги? Я ужасно хочу что-нибудь съесть. А? Что скажешь?

Кот снова воздержался от ответа. Вместо этого он зевнул, показав зубки, которые довели бы до инсульта любого стоматолога.

– М-да, видок у тебя нетоварный! Лысый, красноглазый, кровожадный: зверушка на любителя! Массового спроса никак не ожидается! – уныло признала Дафна и большим пальцем почесала коту подбородок.

Депресняк замурлыкал. Его мурлыканье напоминало звук, издаваемый ржавым железом, которое пилят очень тупой пилой. Когда же, не ограничившись мурлыканием, Депресняк еще и мяукнул, несколько мнительных автолюбителей немедленно высунули носы из окон офисов, проверяя, не пора ли праздновать день жестянщика.

– Ну да-да: ты совершенно прав. Я, страж света, предлагаю тебе явное мошенничество. Жуть, до чего я дошла! – продолжала рассуждать Даф. – Только не делай, пожалуйста, вид, что ты возмущен. Или я намекну Эде, куда делась мясная вырезка. Он-то считает, что забыл ее в метро. Ну что скажешь? Думаешь, я шантажистка?

Кот равнодушно шевельнул хвостом. Про вырезку он уже не помнил. Мало ли какие случаются моменты на тернистом жизненном пути. Кто прошлое ворошит, вокруг того зеленые мухи летают.

Упомянутая беседа с котом велась на розовой, залитой солнцем Петровке, рядом с антикварным магазином. В его витрине, среди деревянных слонов родом из Индии и турецких кинжалов родом из Китая, Дафна увидела и девчонку лет тринадцати или четырнадцати на вид, в короткой кожаной куртке, с рюкзачком, из которого торчала флейта. С ее плеча, точно облезлая горжетка, свисал кот в комбинезоне.

Дафна приподнялась на носки и опустила, сверяя впечатление. Ловить собственное отражение в телефонных будках, тонированных стеклах машин, витринах, лужах и даже в очках прохожих было одной из уличных ее забав. Депресняк тем временем случайно втянул носом тополиный пух и недовольно чихнул.

– Животное! – снова сказала Даф. – Ты позоришь меня сонным и тощим видом! Прохожие, уверена, думают, я тебя пытаю. Скажи что-нибудь умное, Депресняк!

Кот издал скрипучий горловой звук, который можно было расшифровать как «ну мяу!».

– И вообще, Депресняк! Есть вещи, которые меня смущают! За последний месяц я подросла на пару сантиметров, не меньше. Брюки определенно стали короче. В Эдеме для этого потребовалась бы тысяча лет. И это в лучшем случае, – пробормотала Даф озабоченно.

То, что она выросла, приходило ей в голову не однажды, но лишь теперь, разглядев отражение в витрине, утвердилась в этой мысли окончательно.

Хю-хю-хю, нюня моя! Здесь не Эдем!

Внезапно рядом кто-то ехидно хихикнул. Даф повернулась, но никого не обнаружила. Лопухоиды хилой струйкой текли по тротуару на приличном отдалении. Солнце прилипло к раскаленному небу, как блин к сковородке. Единственная тучка, довольно бэушная на вид, запуталась в троллейбусных проводах и рекламных перетяжках. Заподозрить в хихиканье было совершенно некого.

Версия, что звук могла издать витрина, выглядела неубедительно, и поэтому Даф, как здравомыслящий страж света, немедленно предприняла несколько вещей. Первое: на всякий случай проверила, легко ли извлекается из рюкзака флейта. Второе: быстро начертила указательным пальцем в воздухе руну, известную как «руна доброжелательности». В случае, если потусторонние существа рядом отсутствовали или были не опасны, руна таяла, едва возникнув. Однако сейчас руна повисла в воздухе дымным кольцом. Даф успокоилась. Будь опасность серьезной, руна стала бы пунцовой. Синеватое же дымное кольцо,

скорее, означало, что кому-то, кого сложно назвать другом, чего-то от нее нужно.

И, наконец, последнее, что сделала Дафна, покосилась на Депресняка. Кот намного острее чувствовал опасность. Здесь так и тянет пойти на поводу у дряхленького жанра и написать, что шерсть у кота встала дыбом. Но, увы, всей растительности на адском котике не хватило бы даже на самую скромную кисточку. И то пришлось бы отрезать ему усы. Зато в минуты, когда Депресняк что-то чуял, сухая кожа на загривке собиралась гармошкой, как голенище старого сапога, крылья на спине, обычно прижатые, дыбились под комбинезоном горбом, а на переносице залегала короткая косая морщина. Вот и теперь кошачья морда съежилась. Уши, рваные во множестве боев, прижались к голове. Поднявшаяся губа открыла мелкие зубы. Несколько капель кислотной слюны сорвались с синего языка и чуть не прожгли асфальт под ногами у Даф.

Это доказывало, что рядом находится существо иного, магического мира. Больше не колеблясь, Даф настроилась на истинное зрение и, оглядевшись, увидела странное создание. Оно стояло к ней вполоборота, привалившись спиной к витрине, и улыбалось. Улыбка была противная. Она словно истекала сиропом и, ударяясь о бильярдные шары ассоциаций, почему-то заставляла вспомнить жженый сахар.

– Кто-то тут – не будем переходить на личности – рассуждал, что подрост! А ты как хотела, крошка? Нижний мир есть нижний мир. Жизнь здесь летит стремительно, как самоубийца с балкона, – заявил незнакомец.

В первый момент Даф решила, что перед ней мужчина – с темными волосами, квадратным подбородком и трехдневной щетиной на смуглом лице. Эдакий красавчик, съедающий по женскому сердцу на завтрак, обед и ужин. Но когда существо повернулось, Дафна обнаружила, что вторая половина лица у него женская. Пухлые кукольные губы, длинные пшеничные волосы и огромный наивный голубой глаз.

По центру лица, где половины смыкались, пробежала россыпь мелких шрамов. Ощущение было такое, что некогда лицо сострочили, используя обычную швейную машинку. Приглядевшись, Даф различила шрамы и на шее. Пересекая ключицы, они исчезали под рубашкой. Значит, не только лицо, но и тело субъекта изготовили таким же способом. Одна рука – короткопалая, с желтоватыми ногтями и волосатым запястьем – могла принадлежать боксеру

или мафиози, другая – тонкая и изящная, с золотым браслетом-цепочкой на запястье – красавице полусвета. В петлице двухцветного пиджака пылал огромный алый мак.

– Суккуб, что ли? – со знанием дела спросила Даф. У нее отлегло от сердца. Тянуться к флейте не имело смысла. С суккубом она справилась бы и без флейты.

Незнакомец охотно закивал. Его голова на шее двигалась так свободно и расхлябанно, что Дафна не удивилась бы, скатись она на асфальт.

– К твоим услугам, нюня моя! Хныкус Визглярий Истерикус Третий собственным – хю-хю! – персонажем. Но ты можешь называть меня запросто: мой дружочек Хнык! Двое влюбленных тараканов встречались четыре дня и померли в один день от дихлофоса!.. А, нюня моя? Ну как я сказал? Как сказал-то! – восхитился субъект и от полноты чувств трижды провернулся вокруг своей оси.

Замелькали разномастные уши – одно приплюснутое, с торчащим из раковины жестким пучком самых что ни на есть водопроводческих волос, и другое – розовое и чистое, самой природой созданное для нашептывания всевозможной любовной ерунды.

Пока суккуб разглагольствовал, голос его, подстраиваясь, менял интонации – от сурового баса до вкрадчивого лепета. Дафну это ужасно раздражало. Равно как и быстрые хаотичные движения субъекта.

– Слушай, ты можешь все время не меняться? Ты уж определись: мальчик ты или девочка! – сказала Даф.

Суккуб укоризненно царапнул воздух наманикюренным мизинцем. Жест вышел таким витиеватым, туманным и красивым, что Даф невольно захотелось повторить его.

– Все в воле госпожи! Лично для меня это не вопрос! – манерно сказал Хныкус Визглярий Истерикус Третий. – Если госпоже требуется, извиняюсь, песик, я готов стать песиком! Прикажете приступить? Ав-ав!

Суккуб опустился на четвереньки и сделал ногой залихватское, полное вызова движение, к которому прибегает песик, когда, закончив свои таинственные дела, отбрасывает лапой назад землю. Лицо его начало подозрительно вытягиваться. Брови сомкнулись и поползли вверх уже рыжей шерстью. Еще мгновение – и перед Даф на задних лапах обретался завершивший превращение рыжий сеттер.

В воздухе мелькнуло что-то когтистое, хищное, сердитое.

– Мне не нужен песик! У меня уже есть котик! – мрачно сказала Даф, чудом успевая вцепиться в ошейник Депресняка. Ничтоже сумняшеся, тот уже собирался сделать пса кривым на один глаз. Размышлениями у парадного подъезда на тему, как быть, кто виноват и откуда вообще взялась собака, адский котик себя не загружал. Философия – удел философов, а мы котики действия. Мяу!

– Мы так не договаривались, нюня моя! Нечего на меня котов науськивать! Я существо несчастное, затравленное! Кого на меня только не натравливали! И борзых, и мастифов! А уж про ранимость и не заикаюсь. Чем меня не ранили: и копьями, и мечами, и, извиняюсь, из нагана! Нет, ну как сказал, как сказал! Хю-хю! – воодушевился суккуб, торопливо избавляясь от собачьего обличья. Шерсть слезала с него клочьями и спешила растаять в воздухе.

Депресняк, вновь успевший угнездиться на плече у Даф, разглядывал суккуба с большим подозрением. «Уж теперь-то я знаю, что ты за фрукт на самом деле! Ты переодетая собака!» – говорил весь его вид.

– Послушай, Хнык, мы с тобой уже виделись или нет? – спросила Даф.

– Разве что во сне, нюня моя! – вкладывая в это какой-то свой смысл, сладко произнес суккуб.

– А в резиденции мрака, на Дмитровке?

Сложив губы трубочкой, суккуб деликатно плюнул на мизинчики и полным кокетства жестом протер глазки.

– Какая осведомленность, нюня моя! Бедные мы, бедные! Никаких секретов от света! Нет, я там не бываю, противная!

– Разве тебе не нужно продлевать регистрацию? Ведь духа с непродленной регистрацией затягивает Тартар! – удивилась Даф.

Закончив протирать глазки, суккуб погрузил мизинчики в раковины ушей и принялся ковыряться там с таким рвением, будто разрабатывал не скромные серные залежи, а Соломоновы копи.

– Ох, затягивает! Прямо так берет и затягивает! – качая головой, подтвердил суккуб. – Только я, противнюшечка, по другому ведомству. У нас ведомств-то много, особенно по секретным поручениям. Так что, нюнечка, не затянут меня, не бойсь!

Зоркой Даф почудилось, что на лице суккуба мимолетно мелькнула тревога. «Ага! Вот ты и забеспокоился! Сболтнул что-то лишнее?» – подумала она.

Почистив ушки и потоптавшись на месте, неугомонный суккуб придумал новое развлечение. Не смущаясь стеклом, он просунул руку сквозь витрину и, взяв кинжал, принялся скоблить заросшую щетиной часть своей шеи. Точь-в-точь младший менеджер отдела продаж, который, пугливо косясь на дверь, в которую барабанят нетерпеливые коллеги, одноразовой бритвой, всухую, бреется в служебном туалете перед вечерним свиданием. Закончив с бритьем, Хныкус Визглярий Истерикус Третий отбросил кинжал и, достав из воздуха помаду, принялся кокетливо подкрашивать губы.

– Не надоело придуриваться? Не устраивай цирк! Говори, что тебе нужно, или топай отсюда! – сказала Даф, вспоминая синеватый оттенок руны.

Ей было известно, что суккубы, равно как и комиссионеры, ничего не делают без выгоды для себя или без надежды на выгоду. И уж тем более просто так не являются стражам света. Суккуб сделал вид, что обиделся. Голубой женский глаз заморгал и пустил слезу. Второй глаз тем временем рассматривал ее нагло и бойко.

– Я, нюня моя, хотел предупредить. Тебе ведь нравится Мефодий? Наш молодой господин? Ах, какая пара! Я даже не ревную! Я умиляюсь! – воскликнул Хнык.

Даф сердито шагнула к нему. Депресняк подпрыгнул у нее на плече, как наездник. В воздухе запахло расправой над бедным суккубом.

– Буслаев? Ты бредишь! Зачем он мне нужен? Я не работаю в зоомагазине! – крикнула Даф.

Хнык ослабился. Пальчик вновь царапнул воздух.

– Я тебя умоляю, противнюшечка! Обмануть суккуба в вопросах любви? О любви я знаю больше любого купидона. Да и что они могут понимать в чувствах, эти толстые диатезные сопляки? Палят из луков в кого попало, и даже не берут за это эйдосов!.. Если купидоны и превосходят кого-то в вопросах любви, то лишь комиссионеров! Комиссионеры – дрянь, мелкая сошка! Любовь не их вид спорта!

– Не очень-то ты комиссионеров любишь. А Тухломона ты знаешь? – спросила Даф, пытаясь перевести разговор в безопасное русло.

При слове «Тухломон» Хнык передернулся.

– Конкурент противный! Бяка! Грубиян, зануда и вовсе никакая не нюня моя!.. Эйдосы у меня уводит, амеба бесстыжая!.. Хоть и по другому ведомству, а все равно змея!

– Сочувствую! Вор у вора дубинку украл! – с насмешкой сказала Даф, радуясь, что сразу нашла у суккуба уязвимое место.

– Ты меня не жалея, противная нюнька! Ты себя жалея! – вспыхнул Хнык. – Вернемся к Мефодию. Я понимаю, почему ты не признаешься, что привязалась к нему. У человека век недолог. Знаешь, сколько человек живет в днях? Двадцать—двадцать пять тысяч! Из них только десять тысяч приходится на молодость! Всего-то! А гонору, а планов! Нос куда задирает! А там время вышло, и все! Пакуйте чемоданы!

– Какие чемоданы? – не поняла Дафна.

– Спроси лучше: куда! Согласно купленным билетам либо на товарняк в Тартар, либо на экспресс в Эдем. У тебя же, нюня моя, впереди гарантированная

новенькая вечность. Глупо влюбляться, если изначально у вас такие разные возможности. Пусть даже он и будущий властелин мрака, но смертен, увы, как и все рожденное из праха.

– Я об этом не думала, – серьезно сказала Даф.

Суккуб быстро присел и снизу заглянул ей в глаза. На его макушке Дафна увидела полосу, где темные короткие волосы смыкались с длинными и светлыми.

– Значит, ты все-таки признаешь, что влюбилась? – спросил Хнык заговорщицким шепотом. – Ты, вечная, связала себя со смертным? А?

Дафна топнула ногой. Какое этому омерзительному существу дело, испытывает она какие-то чувства или нет? Что за радость лезть в чужую жизнь вместо того, чтобы жить своей?

«Стоп! Спокойствие! – сказала она себе. – А что, если этого типа подослал Лигул? А кто еще? Если он не отчитывается Арею, то Лигулу! Что, если он вынюхивает, не потому ли я здесь, что опекаю Мефодия и хочу, чтобы его дар не достался мраку? В конце концов, Лигулу неизвестно, что я набросила шнурок с крыльями на шею Мефодию в лабиринте и связала себя с ним на всю жизнь».

– Я вечная, только пока кто-нибудь не срежет вот это. Уж не ты ли? – сказала Даф, вызываяще качнув бронзовыми крыльями на шнурке.

Хнык стыдливо зарумянился.

– Фу, противная какая бяка! Клянусь моей милой единственной мамой, я об этом даже не думал! – поспешно сказал он.

– У тебя нет мамы. Клянешься ли ты своей сущностью, истинным именем, черной луной и патентом на возвращение из Тартара? Пожалуй, такая клятва меня устроит! – ласково уточнила Даф. Десять тысяч лет на школьной скамье – срок достаточный, чтобы постигнуть азы науки стражей.

Суккуб тревожно икнул. Желания клясться истинным именем и сущностью в его лукавых глазках не отразилось. И уж патентом на возврат из Тартара он точно рисковать не собирался.

– Ладно, замяли, нюня моя!.. А теперь призовая игра! Сейчас мы сделаем генеральную репетицию твоему великому чувству! – перебил суккуб, вдохновенно шевеля пальчиками и неуволимо начиная походить на кого-то. Слово «чувство» он произнес так: «чюйство!», и в этом произношении оно обрело новое, какое-то липко-пошловатое содержание.

Пока Даф пыталась понять, о чем идет речь, Хнык что-то деловито забормотал. Это было чисто внутреннее, техническое бормотание. Суккуб настраивался, сублимировался, вживался в образ.

– Вот я весь такой. Ну такой вот весь я! Тэк: система горбуна Лигула, Немировича и прочих Данченок! Уши – есть, нос есть. Под глазками положим небольшую тень от недосыпа, здесь бросим пару родинок. Что у нас еще? Волосы? Ах как хороши – просто подражать приятно! Сколотый зуб: чего ж он так запустил себя? Есть же, извиняюсь, косметическая стоматология, – бубнил он вполголоса. – И вообще будущий повелитель мрака! Захоти он – у него выросло бы сто зубов!

– Сто зубов не надо. Депресняк не выдержит конкуренции, – отказалась Даф.

Ей сделалось вдруг неуютно. Прямо перед ней стоял Мефодий. Она знала, конечно, что это всего лишь суккуб, но сердце все равно предательски замирало в груди, после каждого третьего удара делая странную паузу. Если она, Дафна, страж света, так себя ведет, что же говорить о бедных влюбленных лопухоидах! Неудивительно, что они несут свои эйдосы проклятому суккубу за одно лишь право временного обладания призраком! Даже Депресняк и тот пришел в замешательство и перестал шипеть. К Буслаеву, как известно, он относился неплохо, что всегда раздражало Дафну.

Суккуб завершил превращение и в новом обличье, красуясь, обошел вокруг Даф.

– О, солнце мое, я люблю тебя! Дай мне поносить свои крылышки! – сказал он голосом, возможно, чуть более глухим, чем это сделал бы реальный Мефодий.

Ощувив, что заврался, суккуб проницательно взглянул на Даф и поправил голос.

– Так как насчет, извиняюсь, крылышек? Поносить дашь? А я тебя за это, возможно, поцелую. А, возможно, и не поцелую! Такой вот я переменчивый!

Даф рассвирепела. Очарование исчезло. К тому же она все еще продолжала использовать истинное зрение, и сквозь образ Мефодия нет-нет да проступал гнусный облик Хныка.

– Перестань лезть в чужие дела! Еще один вяк в этом духе, и я... – пригрозила она.

Суккуб захихикал (или, точнее, «захюхюкал»), довольный, что вывел ее из себя. Всерьез получить крылья Даф он в данный момент не надеялся, а лишь глумился, следуя давней привычке.

– Ну-ка, ну-ка! Что же ты, противнюшечка, со мной сделаешь? Натравишь котика? Прогонишь звуками флейты? – с издевкой спросил он.

В отличие от комиссионеров суккубы не слишком боялись маголодий. Нет, они, разумеется, исчезали, когда их изгоняли, но уже через пару минут возвращались вновь как ни в чем не бывало.

Даф задумчиво куснула заусенец на большом пальце.

– Зачем же сразу флейтой? Есть и другие способы, – сказала она и, отступив назад, что-то зашептала.

– Шепчи-шепчи! На меня заклинания не действуют! – со смехом сказал Хнык.

Он продолжал издевательски подпрыгивать и кривляться, но делал это все менее уверенно. На лице медленно проступала тревога. Затем он остановился и устался на ноги. Они укорачивались и срастались, начиная от пояса и ниже, к коленям. Изменялись не только ноги. Лицо стекало, точно воск. Тело на глазах округлялось, оплывало, обрастало чем-то густым, коричневым, с темным подпалом. Руки втягивались в плечи. Позвоночник гнулся и кренился к земле, не выдерживая тяжести неуклюжего длинного туловища.

Когда ноги окончательно срослись и ступни исчезли, суккуб не смог стоять и тяжело рухнул на асфальт. Вначале он испугался, но внезапно понял, что на асфальте гораздо удобнее. Он согнул туловище, попытался ползти и понял, что это получается у него просто отлично.

– Что ты со мной сделала, светлая? Что это было за заклинание? – крикнул он Даф.

– При чем тут заклинание?.. О-о-о, как я довольна, что ты стал гусеницей! О, как я мечтала об этом! Как я хочу, чтобы ты полз по трубе и шмякался! Полз и шмякался!.. Полз и шмякался!.. Сделай это, милый! Сделай это для меня! О-о-о! – сказала Даф со страстным придыханием.

Теперь она уже не шептала и говорила громко.

– Перестань! Ты что, больная на голову? Не хочу я никуда лезть! – в панике пискнул Хнык, ощущая, что его тело начинает подчиняться.

Помимо своей воли он уже полз по водосточной трубе, дополз до второго этажа и шлепнулся на асфальт, разбрызгивая зеленоватую вонючую слизь. Прохожие морщились. Они по-прежнему ничего не видели, однако запах был доступен даже восприятию нижнего мира.

– О, как это фантастично! Сделай это еще раз, милый! Упади с трубы! – мстительно сказала Даф и, спохватившись, что говорит обычным голосом, добавила на всякий случай парочку страстных придыханий.

– Прекрати! Откуда ты знаешь? Я думал: это тайна! – взмолился суккуб, покорно взбираясь на скользкую трубу.

Даф брезгливо смотрела на него. Стражи света давно выяснили, что суккубы наделены врожденным свойством подстраиваться и приспособливаться, превращаясь в то, во что пожелает их собеседник. Для того они и сотворены мраком. Причем превращение осуществляется помимо воли самих суккубов. Условие одно: пожелание надо произносить соответствующим голосом. Иначе суккуб не воспримет.

– О, как я хочу, чтобы ты выполз на дорогу под колеса грузовика! О-о-о! Я так мечтаю об этом! Это моя фантазия, милый! – сказала Даф, благоразумно придерживая Депресняка за ошейник. Не сделай она этого, кот давно полосовал бы мерзкое существо когтями.

Огромная гусеница, изгибаясь, стала выползать на дорогу. Уже у самой бровки она попыталась заупрямиться, но Даф поторопила ее тремя страстными «о-о-о!» и одним гиперстрастным «О-О-О!». Причем гиперстрастное «О-О-О!» на самом деле было просто замаскированным зевком.

– О да, да! Это так чудесно!.. Ползи быстрее, милый!.. Быстрее!.. О-о-о! А то опоздаешь попасть под тот чудесный туристический автобус! – сказала Дафна, всматриваясь в даль.

– Перестань! – завизжал Хнык. – Перестань, светлая! Ты что, садистка? Больная на голову? Я личность творческая! Я же лицом работаю! Меня засмеют в Тартаре, если я попаду под автобус да еще в обличье червяка! Мне же новое тело придется выписывать! Пока сошьют, пока срастется, пока магию наложат!

– А мне какое дело? О, какие чудные у автобуса колеса! Они все ближе! О-о-о, милый, как это чудесно!

– Перестань сейчас же! Караул! Убивают! – завизжал суккуб в полной панике.

– Сдаешься?.. Не будешь больше в Мефодия превращаться? – спросила Даф.

– Буду, противная! Ты мне не указ!

– Ну тогда, милый, сам напросился! О-О-О!

– Только не «о-о-о»! Сдаюсь! – взвыла несчастная гусеница, с ужасом косясь на колеса автобуса.

Даф вздохнула, подумала и великодушно махнула рукой.

– Свет с тобой! Живи! – сказала она.

Суккуб перестал корчиться, метнулся обратно на тротуар и со всей возможной поспешностью принял свое начальное – полумужское-полуженское обличье.

– Откуда ты об этом знала? Кто тебе открыл тайну? – спросил он, со страхом глядя на Даф.

– Я все же страж света. Мы там в Эдеме тоже не пустые бутылки собираем, – заметила Даф. – А теперь, крошка-суккуб, говори, что тебе надо, и брысь! Ты мне надоел!

Хнык облизал губы.

– В общем, слушай! Женщину, как волка, ноги кормят. А суккуба и подавно: не побегаешь – не разнюхаешь! Мне тут одна птичка нащебетала, что скоро у тебя попытаются отбить Мефодия. Не спрашивай кто, не спрашивай когда, но это произойдет!

– Враки! – сказала Даф, начиная все же испытывать тревогу.

– Уж можешь мне поверить, нюня моя. Говорю «отбить», значит, отбить. Во всем, что касается любви – я профессор!

– Ну и что из того? – с вызовом спросила Даф. Нападение – лучший способ защиты.

– Как «что из того»? Ты же светлый страж! Забыла? Если ты кого полюбишь – тебе должны ответить взаимностью. Если нет – ты лишишься вечности, крыльев и флейты! Пункт какой-то там вашего кодекса, ты его лучше меня знаешь. Свет не может быть отвергнут. Если стражу света изменят или его предадут – он погибает. Ах-ах!

– Ну а тебе-то что за дело? – хмуро спросила Даф.

– Из лучших побуждений, противненька! Из лучших побуждений! Я хотел предложить тебе сделку. Простому скромному суккубу всегда приятно оказать услугу стражу. Ты отдаешь мне крылья, а я помогаю тебе сохранить Буслаева. А? По-моему, честная сделка. Флейта и вечность при этом остаются у тебя. – Тут

Хнык лихо подмигнул мужским глазом.

- Ты такой добрый - прям обалдеть! Кроме крыльев, тебе больше ничего не надо? Может, еще Депресняка упаковать в рюкзачок? Ты не стесняйся! - с негодованием разглядывая его, предложила Даф.

Суккуб с тревогой покосился на кота.

- А вот животное не надо. Как-нибудь в другой раз, нюня моя!.. Так как насчет сделки? По рукам?

- По ногам! - сказала Даф и, дождавшись, пока суккуб озадачится, добавила: - А еще по ушам и по носу! Если кому-нибудь нужен Буслаев - пускай отбивают. Я что-то не припоминаю, чтобы я оформляла на него право собственности!

- Но ты погибнешь! Лишишься вечности, крыльев и флейты! - недоверчиво воскликнул Хнык.

- И тебе меня жалко, что ли? Будем сейчас хныкать по этому поводу в полном соответствии с твоим именем? - парировала Даф.

- Не тебя, а крыльев жалко! Ты не представляешь, сколько отхватил Тухломон, когда притащил два шнурка с золотыми крыльями! Вот ведь скотина! Все же знают, что крылышки-то не он у света оттяпал, а ты! Ты расправилась со златокрылыми, а он только шнурочки сорвал! - завистливо сказал суккуб. - А теперь эти двое бескрылых стражей небось шатаются где-то здесь, в человеческом мире.

- Откуда ты знаешь? Я думала, они вернулись в Эдем, - сказала Дафна растерянно.

- Вернуться в Эдем без крыльев? Опозоренными? Исключено! - хихикнул Хнык. - Мне тут приятели говорили, что встречали эту парочку где-то в городе. Ходят и ищут кого-то. Кого ищут, не знаешь?

- Представления не имею, - сказала Даф. Ей захотелось еще раз превратить суккуба в гусеницу и на этот раз уже не вытаскивать из-под автобуса.

– И правильно. Меньше знаешь – быстрее растешь по службе, – согласился Хнык. – Так что наша сделка? Крылья в обмен на верность Мефодия? А-а-а? И никакой ревности, нюня моя! Никогда! Хотя, говорят, ревность – бесплатное приложение к любви. Любители халявы ее ценят.

– Нет! – сказала Даф.

Суккуб не слишком огорчился. Легкомыслие в нем перевешивало интересы дела. Вздыхнув для приличия, он уставился на ладони, выбирая, какой почесать нос. Мужская волосатая лапа его не устроила, он выбрал тонкую женскую и остался доволен своею распорядительностью.

– Ну на «нет» и суда нет. Хочешь лишиться всего остального? Вечности и флейты? Значит, ни себе, ни духам тьмы? Что ж, мы еще вернемся к этому разговору. А пока разреши преподнести тебе подарок! Он ни к чему тебя не обязывает! Никаких сделок – просто подарок!

– Я не принимаю даров у мрака! – отказалась Даф.

Хнык быстро выдернул из петлицы мак и насильно сунул Дафне в руку.

– Умоляю, нюня моя! Не надо глупить! Я же так, от кипения благородной души, без костей и рысти! – сказал он, сжимая Даф пальцы сильной мужской лапищей.

– Чего-чего? – опешила Дафна.

– Ну бескорыстно!.. Избавиться от цветка ты всегда успеешь. А пока приколи к одежде и запомни. Красный цвет мака – тебя любят, и все в шоколаде. Поводов для волнения нет. Розовый – легкое охлаждение, вызванное новыми эмоциями, магией и тырыпыры: уже надо начинать волноваться, но жить пока можно. А, дуся! Тонкость-то какая, я млею!

И Хнык, крайне довольный, расцвел половинчатой улыбкой, которая в равной степени могла принадлежать и крутому положительному чубрику из фильма о государственной границе и победительнице конкурса красоты.

– Пык, нюня моя! – сказал он и кокетливо дотронулся до кончика носа Даф наманикюренным пальчиком. Депресняк махнул лапой, но, увы, опоздал.

– Дальше внимание! – продолжал суккуб. – Синий – цвет скуки. Он означает, что ты надоела. Увы и ах, все через это проходят. Мало кому известно, что и на ту сторону есть путь... Это, стало быть, следующий градус после розового. Мак коричневый – цвет презрения. Желтый – измены. Черный – ненависти, такой, что прям в клочья. Р-рр!.. Ну до этого, дуся, надо полагать, дело у вас не дойдет. Хотя страстишки-то у лопухоидов разные бывают! Порой красно-черный, черно-красный!.. Прям так мигает, что замучаешься. Не подрамышись – не помиримшись!..

– Перестань! – сказала Даф, отворачиваясь. Слишком уж откровенно кривлялся суккуб.

– Цветочек работает круглосуточно. Не вянет. Не требует батареек, поливки и удобрений. В огне не горит, в спирте не тонет: ты всегда будешь знать, как относится к тебе тот, кто рядом.

– Мне не нужны артефакты мрака! – разглядывая мак, с сомнением произнесла Дафна.

Суккуб мелко захихикал. Он хорошо умел улавливать нюансы. Даф почудилось, будто внутри у него гремит сухой горох.

– Какие арты? Какие факты? Я тебя умоляю, нюня моя, не смеди человечество! Это так, безделка, милая ерундовинка!.. Захочешь – выбросишь. Я ни на чем не настаиваю. А теперь, извиняюсь, у меня свидание. Некий работник министерства собирается отдать эйдос за встречу со своей первой студенческой любовью!

– А что за любовь? – спросила Даф.

– А-а, ничего особенного! Пустоватая такая девица с зубами и ногами, – сказал суккуб с таким презрением, будто иметь зубы и ноги было чем-то предосудительным. – Интересно, он хотя бы поинтересуется, почему она не изменилась за тридцать лет? Кстати, оригинал с внуками и двумя собаками живет от него в трех улицах, но не представляет для нашего друга никакой ценности. Мечты, мечты! Порой они стоят больше, чем явь. Ну я полетел на

крылышках любви! Не упусти Мефодия, нюня моя!

- Не упусти! - под нос себе сказала Даф.

- Твоя любовь - уж поверь мне на слово - на сопельке висит, волоском укрепляется! Нужна будет моя помощь - только свистни! Крылышки - и я твой!

- Нет! - твердо сказала Даф.

Суккуб сложил пальцы кольцом и посмотрел на Дафну сквозь дырочку.

- Так и быть! Дам тебе совет! - сказал он великодушно. - Настолько же хороший, насколько бесплатный. Когда мак станет коричневым или желтым, ты еще сможешь вернуть ему прежний цвет и вместе с ним любовь Мефодия. Что, интересно?

- Как? - невольно спросила Даф.

Хнык воровато огляделся.

- Достаточно будет окропить мак кое-чем алым! - сказал он громким шепотом.

- Алым?

- Именно, нюня моя! Алым! А что может быть алее крови смертного? Только кровь светлого стража!

- Я не стану никого убивать! - с презрением сказала Даф.

- А никого убивать и не надо. Вполне хватит крови из твоего пальца. А когда мак вновь станет красным, приколи его к рубашке Мефодия около ворота. Не будет рубашки - сойдет и майка. Ну мне пора, светлая! Чмоки-чпоки!

- Чмоки-чпоки! - невольно улыбаясь, повторила Даф.

- Не скучай! Я тебе как-нибудь приснюсь! Пока-пока, сладкая!

Суккуб кокетливо пошевелил пальчиками. Даф поежилась. Увидеть суккуба во сне – недобрый знак. Сон – их стихия. Во сне они выпивают силы и душу.

– Я сама тебе приснюсь, мой сладкий! – сказала Даф, не оставаясь в долгу.

Хнык передернулся, точно у него разом занули все зубы. Кто каким оружием разит – тот того оружия и страшится. Примерно так пугаются цыганки, слыша слова: «Я сама тебе погадаю!», произнесенные с нужным градусом убежденности. Обещание присниться суккубу действеннее любых проклятий. Суккуб, увидевший во сне светлого стража, долго потом не выберется из Тартара в человеческий мир.

Хнык растаял в воздухе. Даф некоторое время задумчиво рассматривала мак, вложенный ей в руку. Избавиться от него или нет? Достав флейту, Даф проверила мак короткой маголодией, которая уничтожила бы цветок, представляя он для нее непосредственную опасность. Однако мак благополучно уцелел. Он лишь поменял цвет, запылав еще ярче.

«Ага! Похоже, меня кто-то любит! Интересно, кто? Депресняк?» – с любопытством подумала Даф, покосившись на кота. Высунув страшный фиолетовый язык, он вылизывал заднюю лапу, и если любил ее, то в фоновом, чрезвычайно ненавязчивом режиме.

Поразмыслив, Дафна не стала выбрасывать мак, равно как не стала и вставлять в петлицу. Вместо этого она сделала нечто среднее, а именно сунула его в карман. Средний путь всегда самый простой. Другое дело, что он редко ведет в правильном направлении.

Голод, отогнанный на время вторжением суккуба, вновь вернулся и принялся настойчиво покашливать у Даф за спиной. Растущий организм требовал цемента и кирпичей для дальнейшего строительства себя, любимого.

«А не зайти ли мне к Эде Хаврону? Он тут где-то недалеко работает!» – подумала Даф. Карта Москвы подробно соткалась у нее в памяти со всеми потертостями на сгибах и пестротой мелких шрифтов на тех маленьких переулках, что были гораздо короче своих названий.

Однако волею судеб свидание с Эдей Хавроном состоялось позже и совсем даже не в «Дамских пальчиках». Пока же Дафну ждала еще одна встреча.

* * *

Отыскивая дорогу к Хаврону, Дафна начала петлять по переулкам. Первое время переулочки сохраняли какое-то достоинство: чванились старинными домами, чугунными оградами посольств и идиллическими будочками с дремавшими в них милицейскими фуражками. Но по мере того как Дафна удалялась от центра, переулки становились все ничтожнее. Мусорные контейнеры, прежде прятавшиеся по углам, теперь прыгали прямо в глаза. Из потрескавшихся стен домов кое-где, дуря от собственной веселой наглости, торчали березки.

Когда же Даф, наскучив переулками, свернула во дворы, пошла уже полная окоlesiца. Между сверкавшими иномарками ржавели заброшенные мастодонты, сгнившие колеса которых были неизменно подперты кирпичами. На подоконниках нижних этажей мирно лысели герани, и лишь новые водосточные трубы хорохорились, что, мол, мы тут, в глуши, тоже не в рукав сморкаемся. Сложно было поверить, что это центр города.

Даф пересекла еще два-три переулка и вышла на оживленную улицу. Когда она отыскивала глазами синий прямоугольник вывески, соображая, куда ей идти дальше, справа слышались выстрелы. Депресняк поджал уши. Пока воображению Даф рисовались всевозможные уголовно-романтические картины на тему вооруженных до зубов гномиков, удиравших из банка с мешками денег, к ней, окутанный сизым дымом, подлетел мотоцикл. Это его глушитель – а точнее его отсутствие – производил громкие хлопки, которые Даф приняла за стрельбу.

Немного не доехав до Даф, мотоцикл мнительно чихнул и умолк. С мотоцикла торопливо слез широкоплечий великан. Когда он перекидывал ногу, на поясе блеснул ремень с пряжкой в форме руки скелета.

– Привет, Эссиорх! – сказала Дафна, переводя взгляд с мотоцикла на своего хранителя и с хранителя на мотоцикл. Она никак не могла определиться, чье появление поразило ее сильнее. Эссиорх как будто заслуживал больше внимания. С другой стороны, мотоцикл она видела впервые.

Подбежав к Дафне, хранитель недоуменно огляделся. Его громадные ручки были сжаты в кулаки. Но, увы, сражаться было совершенно не с кем. Разве что с обклеенной рекламными бумажками водосточной трубой, но она вполне могла дать сдачу, свалившись на голову.

- Где? - крикнул Эссиорх.

- Что «где»? - не поняла Даф.

- Враги! Я ощутил, что тебе грозит опасность, и сразу примчался. К сожалению, в дороге у меня заглох мотоцикл.

Даф присела на корточки, разглядывая то, что Эссиорх назвал мотоциклом.

- М-да, - сказала она, - никогда бы не подумала, что из старого лома можно собрать такую чудную тачку для перевозки хлама! Та еще шутка пьяного Кулибина!

- Это не тачка! - оскорбился Эссиорх. - Мотоцикл отличный! За основу взят «Урал», а все остальное сплошная импровизация. Рама, например, переварена под «жигулевское» колесо. Денег сюда вложено немного, зато любви вагоны. А только любовь и имеет значение в определении истинной стоимости предметов. Жаль только, что батарея дохлая!.. А глушитель я сам снял.

- Ага, бывает: Эдя Хаврон тоже недавно снял дверцу от стиральной машины. Ему надо было достать что-то с верхней полки, и он додумался встать на дверцу ногой. Теперь стирают у соседки. Платят ей продуктами: по картофелине за каждую наволочку. Носки идут по отдельному тарифу, - похлопав мотоцикл по седлу, миролюбиво заметила Даф.

Эссиорх побагровел. Даф подумала, что, додумайся кто-нибудь дотронуться до его лба незажженной сигаретой, она вспыхнула бы сама собой.

- Я **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** сам снял глушитель, - пылая гневом, сказал Эссиорх.

- Ладно-ладно. Разве я спорю? Депресняк, этот глушитель дядя Эссиорх открутил сам! Собственными ручками!.. Ему нравится ездить на мотоцикле так,

чтобы все думали, будто в городе идут боевые действия. Ой-ой-ой! Депресняк, караул! Дядя Эссиорх сейчас открутит мне голову! Я буду первым в мире светлым стражем, которого прикончил его хранитель!

Спохватившись, Эссиорх отступил на шаг назад и с ужасом уставился на свои руки.

– Хм. Я, кажется, погорячился!.. Так что с тобой стряслось? Где негодяй или негодяи, которые на тебя напали? – спросил он убитым голосом.

– Негодяи ушли, презентовав мне цветочек! – пояснила Даф, демонстрируя Эссиорху мак.

Тот взял его, критически осмотрел, повертел в пальцах и, пожав плечами, передал Дафне. Мак остался красным.

– Признаться, я ожидал иного, – произнес Эссиорх.

– Чего именно? И почему ты сказал «негодяи»? Это ведь был всего-навсего суккуб. С ним бы я и сама справилась, – проговорила Даф.

– Один суккуб? Неужели? Ты уверена? – недоверчиво уточнил Эссиорх.

– Да. Я отлично считаю до одного. Ни разу еще не ошиблась, – похвасталась Дафна.

Эссиорх отошел к мотоциклу и ручищами провел по лицу, точно пытаясь привести мысли в порядок. Когда он отнял ладони, на лице у него остались следы машинного масла.

– Ну не знаю я, не знаю! У меня было прозрение – это особое чувство, доступное лишь хранителю, – что тебе грозит смертельная опасность. Рядом с суккубом мог прятаться кто-нибудь еще? Возможно, суккуб попросту отвлекал тебя? А?

Дафна честно попыталась припомнить, но так ничего и не вспомнила.

– Кто его знает? Не исключено. Суккуба я проверила руной, вроде он был чистый. А больше я не сканировала... Как-то не догадалась! – призналась она.

– Вот видишь! – сказал Эссиорх, грозно, точно пистолет, наставляя на нее палец. – О небо, с какой деревенщиной мне придется иметь дело! Ее чуть не прибили, а она все проморгала!

– Ладно-ладно. Нечего меня с прахом смешивать! Меньше надо глушители отламывать! Был бы рядом со мной, и все дела!.. Ты кого вообще охраняешь? Меня или свой трехколесный велосипед? – огрызнулась Даф.

Страж пристыженно замолк. Упрек был обоснованным.

– Эссиорх! Еще вопрос. У тебя деньги есть? – продолжала Дафна.

Хранитель посмотрел на нее с возмущением.

– Что за вопрос? Разумеется, нет. С каких это пор явившимся из Прозрачных Сфер выдают командировочные?.. Зачем тебе деньги?

– Я хочу есть. Просто до жути. Мое тело надумало расти. Порой мне кажется, что я и Депресняка бы съела, будь у меня подходящий соус, – призналась Даф.

Два красных глаза с укором уставились на нее.

– Утихни, кошмар практикующего ветеринара! Без обид! Это был такой речевой оборот, – заверила его Даф.

Страж задумался, разглядывая переднее колесо своего мотоцикла. У Дафны возникло подозрение, что думает он совсем не на высокие темы.

– Ау! – напомнила она. – Ребенок голодает!

– Да уж. Голод не тетка. Он дядька. Сердитый дядька с вилками вместо зубов, наждачным языком и кипящим желудком, – важно изрек Эссиорх, неохотно отворачиваясь от мотоцикла. – А ты не пыталась найти где-нибудь старую железку и превратить ее в золото?

– Издеваешься? – спросила Даф. – Любая магия преобразений под контролем у златокрылых. Мне как-то не очень улыбается, чтобы меня накрыли. Я ведь еще в розыске?

Эссиорх уныло кивнул.

– Боюсь, пока эйдос Буслаева в подвешенном состоянии и не достался ни свету, ни мраку, ничего изменить не удастся. Прозрачные Сферы не рискнут вмешаться, чтобы своим заступничеством не засветить тебя мраку. Так что златокрылые продолжают искать тебя. Для них это дело принципа. Пуплия и Руфина любили, а ведь именно ты лишила их крыльев.

– Вроде того, – сказала Даф невесело.

Эссиорх хотел ободряюще погладить ее по голове, но покосился на Депресняка и вместо волос Дафны погладил сиденье своего мотоцикла.

– Пожалуй, кое-что я все-таки могу для тебя сделать, – решился он, касаясь своих серебряных крыльев.

Перед носом у Даф материализовался поднос с едой: жареная картошка, хрустящие куриные окорочка, соленые сухарики, тарелка с сушеными кальмарами и большой стакан с апельсиновым соком.

– Ну как? Можешь сесть вон там! По-моему, подходящая скамейка. Мамаши с детьми, влюбленные и старушки отсутствуют, – сказал Эссиорх, оглядываясь и производя разведку местности.

– Ты его купил? Что-то я не видела, как ты расплачивался, – произнесла Даф с сомнением. Своровать обед у лопухоидов она могла и сама. Другое дело, что это не лучшее занятие для светлого стража. Каждый поступок такого рода – как минимум одно потемневшее перо.

Эссиорх удрученно поцокал языком.

– Нет, я не платил. Но меня оправдывает, что это был неудачливый обед, – сказал он.

– В каком смысле неудачливый? По-моему, вполне такой удачный обедик, – сказала Даф, созерцая поднос и его содержимое.

– О, Прозрачные Сферы! – воскликнул Эссиорх в ужасе. – И чему тебя учили десять тысяч лет? Разве вы не занимались предсказанием судеб простейших предметов?

– А что, должны были? Наверное, я в это время болела, – легкомысленно заверила его Даф.

– Ну и слабое же у тебя здоровье! Предсказание судеб проходят триста лет и еще семьдесят лет отводится на повторение!

Даф это не слишком впечатлило.

– Не занудствуй! – сказала она. – А то снова буду поливать грязью твой мотоцикл!.. Так что с обедом-то? Почему он неудачливый?

– Речь идет о прозрении судеб. Согласно теории всеобщего пространства, поднос с этим обедом должен был грохнуться около кассы, когда хозяйку окликнул бы ее приятель. Хозяйка подноса подскользнулась бы и сломала себе лодыжку. Пока она лежала бы в больнице, ее четырнадцатилетняя дочь бросила бы школу, муж по ошибке выпил бы рюмку укуса и сжег бы желудок, а любимую собаку переехал бы грузовик. Теперь всего этого не случится. Так что, рассуждая логически, я сделал доброе дело.

– То есть ты мало того, что прикарманил обед, еще и сделал доброе дело? Сразу виден подход светлого стража: совместить полезное с приятным и при этом не остаться внакладе! – насмешливо уточнила Даф, запуская в апельсиновый сок трубочку.

– А ну отдай!.. – рассердился Эссиорх, вскакивая и пытаясь отнять у нее поднос. – Свинья неблагодарная! Отдай сейчас же!

– Не надо! Ой!.. Все-все-все! Больше не буду! – переполошилась Даф, закрывая поднос своим телом.

Негодующе сопя, Эссиорх убрал руки.

– Ты рассуждаешь как темная! Барышня, вы уверены, что ничего не напутали? Что проходили обучение не в Тартаре, а в Эдеме? – спросил он с гневом.

– Замяли! – отмахнулась Даф. – Как бы там ни было, а ты спас меня от голодной смерти. Пошли прикончим твой обед, пока он снова не надумал свалиться под ноги бедной женщине, у которой родственники склонны пить укусы и бросать школу.

Даф взяла куриный окорочок и почти откусила от него, когда перед ее глазами мелькнула когтистая лапа. В следующий миг окорочок попросту исчез.

– Опаньки! Кому-то не хватило вороны! Это уже наглость, молодой человек! Еще большая наглость будет, если кости от этой курицы обнаружатся потом у меня в волосах, – сказала Дафна.

Они заняли скамейку. Пока Даф расправлялась с картошкой, окуная ее в кетчуп, Эссиорх подкатил мотоцикл и поставил рядом. Даф на всякий случай отодвинулась. Она опасалась, что мотоцикл сорвется с подставки и раздавит ей ногу. Учитывая общую неудачливость ее хранителя, это был более чем вероятный исход.

– По-моему, ты чаще сам катаешь свой мотоцикл, чем он катает тебя, – заметила Даф.

– Неправда! – возмутился Эссиорх. – У нас с ним договоренность. Он глохнет строго на светофоре. Но довольно послушно заводится, когда потом его разгоняешь.

– А твой мотоцикл – он тоже неудачливый мотоцикл? Или ты его банально угнал?

– Обижаешь, – сказал Эссиорх, негодуя. – Сегодня вечером на этом мотоцикле должны были увезти чужую жену. А еще два дня спустя мотоцикл должны были угнать, ограбить на нем обменный пункт, а потом утопить его в болоте за городом. Какой вандализм! Какое жестокое обращение с мотоциклами!

- Но теперь, конечно, всего этого не случится. Ты опять сделал доброе дело, не так ли? - поинтересовалась Даф.

Эссиорх закашлялся. Было похоже, что вопрос ему не слишком понравился..

- Кх-кхх... Ну как тебе сказать... - промычал он.

- Так и скажи, как есть.

- Э-э... ну... Вообще-то, если честно, реальность изменится мало. Обменник ограбят на «Жигулях» пятой модели, а чужую жену увезут на метро. Причем за карточку на проезд она заплатит сама.

- Но мотоцикл в болоте не утопят?

- Разумеется, нет. Пусть только попытаются! - произнес Эссиорх с вызовом.

Даф доела картошку и разочарованно захлюпала трубочкой в пустом стакане с соком. Депресняк тем временем разобрался с сушеными кальмарами. От обеда остался один поднос, не представлявший гастрономического интереса.

- Значит, чужую жену увезут на метро! Фи, как неромантично! Похищением на мотоцикле эта дамочка худо-бедно гордилась бы, а теперь будет только фыркать! - сказала Даф. Эта мысль беспокоила ее уже минуты две.

- Это ее проблемы! А вообще пусть скажут спасибо. Рельсовый транспорт гораздо безопаснее колесного! - сурово парировал Эссиорх. Свой мотоцикл он явно собирался отстаивать от всяческих поползновений.

- Да ну, фигня это все! - сказала Даф, успевшая уже попасть под вербальное обаяние Эди Хаврона.

- Что такое фигня? - непонимающе спросил Эссиорх.

- Ну, фигня - это типа... м-м... лабуда, - авторитетно пояснила Даф.

– А что такое лабуда?

– Лабуда – это фигня! Чего ты, не понимаешь, что ли? – сказала Даф не менее авторитетно.

Она готова была к новым вопросам, но ее хранитель уже утолил любопытство и только протянул глубокомысленно:

– А-а-а!

Тема была исчерпана.

Мимо них, перескакивая в панике через скамейки, промчалась группа фанатов человек в пятнадцать. За ними в некотором отдалении неслась толпа человек в пятьдесят.

– Как замечательно! – сказал Эссиорх одобрительно. – Вместо того чтобы сидеть перед телевизором, эти юноши занимаются спортом.

– Ты уверен, что спортом? – усомнилась Даф.

– А чем же еще? У тебя есть другие предположения?.. Молодцы, друзья, удачи вам в вашем групповом забеге с препятствиями!

Первая группа фанатов пробежала, и на Даф с ее хранителем нахлынула другая, более многочисленная. Не разбирая дороги, она ломилась прямо по скверу, заскакивая на автомобили. Скамейка, на которой сидели Дафна и Эссиорх, была опрокинута. Оба вынуждены были вскочить.

– Эй-эй, друзья! Не уроните мой мотоцикл! – всполошился Эссиорх, цепляясь за руль своего железного лошака.

Один из преследователей мимоходом попытался сгрести с плеча у Дафны Депресняка, но с воплем отдернул руку. В пяти свежих царапинах медленно проступала кровь. Депресняк задумчиво облизал когти, определяя уровень гемоглобина.

Первая группа фанатов добежала до переулка, где внезапно получила солидное подкрепление человек в сто. На минуту схлестнувшись, толпы поменялись ролями. Теперь первая толпа преследовала, а вторая удирала.

И снова обе толпы промчались мимо удивленных стражей. На этот раз у Даф и Эссиорха, правда, хватило ума прижаться к стене дома.

– Пожалуй, я съезжу посмотрю, куда они бегут! Какой задор, какая экспрессия! Уверен, для меня это будет познавательно. Пока, Даф! – сказал Эссиорх.

Он снял мотоцикл с подставки и побежал, толкая его. Затем, ловко запрыгнув в седло, включил передачу и умчался, стреляя, окутанный сизым дымом.

– Возьму мозги напрокат. Б/у не предлагать! – сказала Даф ему вслед. Ей представилось, что она дает объявление в газету.

Ее страж-хранитель был непроходимым идеалистом. Однако Дафне это даже нравилось. Каждому достается тот хранитель, которого он достоин.

* * *

Распрощавшись с Эссиорхом, Даф, более или менее заморившая червячка, решила не искать больше Эдю Хаврона, а просто пройти. Однако внезапно Депресняк зашипел, сорвался у Даф с плеча и, на бегу стараясь высвободить из-под комбинезона крылья, нырнул в подворотню. Первой мыслью Дафны было, что он увидел собаку. Второй, что встретил большую и светлую любовь, семьдесят пятую по счету, которая непосредственно предшествует мимолетной семьдесят шестой и неповторимой семьдесят седьмой.

Она кинулась за Депресняком, но сразу за подворотней с одной стороны помещался дом, а с другой – красный кирпичный забор неведомой фабрики. Не пытаясь перебраться через стену, кот скользнул в лаз и исчез, оставив хозяйку в замешательстве.

«Бегство перегревшихся котиков! Когда отправляешь мозги в починку, выписывай квитанцию на возврат!» – подумала Дафна.

Она решила было последовать за котом, использовав магию прохождения сквозь предметы, но вовремя вспомнила, чем это чревато. Весь недавно съеденный обед, как это не малоэстетично, остался бы на стене снаружи, ибо обыденное, немагическое по природе своей вещество, не обладает способностью проходить сквозь предметы.

Всерьез Даф не беспокоилась. Депресняк убегал от нее такое количество раз, что это тяготело уже к дурной бесконечности. Один раз он пропал двенадцать лет. Правда, случилось это в Эдеме, а не в мире лопухоидов. Однако и здесь волноваться было не о чем. Дафна не завидовала той машине, под которую он попадет, той собаке, которая попытается его придушить, и тому камикадзе на службе у города, который попытается затолкать Депресняка в котоловку.

Все же расставаться с котом ей не улыбалось. Крылатые коты, пусть даже со скверным характером, на дороге не валяются. Дафна хотела перелететь через забор и схватилась уже за рюкзачок, чтобы в нем не запутались материализовавшиеся крылья, когда внезапно испытала острую, непонятного происхождения тревогу. Тревога была гораздо более сильной, чем в случае с суккубом. Если тогда речь шла лишь о размытом беспокойстве, то сейчас Даф просто места себе не находила. Сердце дважды прыгнуло, точно на резинке, а затем, осмелев, пропустило два такта.

«Беги! Прячься! Сделай что-нибудь! Аа-а, мама, заставьте эту соню соображать быстрее! Ее же прикончат, и меня вместе с ней!» – в панике вопил ее внутренний голос.

Дафна послушалась. Она выдернула из рюкзака флейту и, сосредоточившись, чтобы не сбиться, выдохнула маголодию невидимости. Вначале невидимым стало тело, а чуть погодя и одежда. Один только рюкзачок болтался в воздухе вечным памятником упрямству.

Но внутренний голос Даф на этом не успокоился, требуя чего-то еще. Метнувшись к детской песочнице, Дафна забралась в нее и легла, укрывшись за свежеструганным деревянным бортиком. Глупый это был поступок или нет, она не задумывалась, веря тому, что вело ее.

«Не понимаю, почему интуиция не включена в реестр основных чувств? Светлый страж без интуиции – это мертвец, стоящий в очереди на захоронение! Зарубите

это себе на носу, птенчики мои, и пусть у вас на память останется шрам!» – любила повторять Эльза Керкинитида Флора Цахес.

Слово «шрамм-м-м-м-м» она произносила так грозно и так при этом грохотала, что с груш добронравия осыпались недозрелые плоды. Возможно, у Шмыгалки был непростой характер, но свой предмет она преподавала прочно. Хороший учитель, как известно, – это вдохновенный зануда, не допускающий даже мысли о своем занудстве.

И вот уже почти минуту Даф, одна из жертв упомянутого обучения, лежала животом на влажном песке, от которого пахло кошками. Судя по некоторым осязательным признакам, кошками немагическими. Из песка у нее перед носом торчал раздавленный, с подтеком никотина фильтр. Даф брезгливо кривилась. Ей хотелось отползти, но она не решалась. Внутренний голос требовал полной неподвижности. Более того, он даже хотел, чтобы она уткнулась лицом в песок и чуть ли не зарылась в него, но на это Даф пойти уже не могла. Нетушки! Не надо отнимать у страусов их хлеб.

С того места, где она пряталась, Дафна прекрасно видела подворотню – ту самую, в которую недавно вбежала вслед за котом. Именно оттуда исходила опасность; ею тянуло, точно сквозняком. В подворотню никто не входил. У мусорного бака, не отходя от кассы, кормились, ворковали и женились голуби. Ветер полоскал пододеяльник, сохнувший на балконе третьего этажа. На пододеяльнике были толстые лупоглазые бегемоты синего цвета. Когда ткань раздувало ветром, казалось, что бегемоты вот-вот градом посыплются с балкона.

«Как можно укрываться таким пододеяльником?.. Гадость какая! Еще бы повесившимися сусликами украсили!.. А-а-а-а! Надоело! Я сейчас корни пущу, если буду и дальше лежать!» – подумала Даф к середине третьей минуты.

Ее теперешнее положение отдавало идиотизмом. Три минуты подряд прятаться в песочнице, созерцая художественно прикопанные окурки. И все это, руководствуясь неосознанной тревогой. Даф стало смешно. Захотелось встать и уйти. «Считаю до ста и, если ничего не происходит, сваливаю оплакивать свою тупость!» – подумала она и перевела взгляд, собираясь посмотреть наверх, на небо, проверяя, не блеснут ли там золотые крылья. И именно в этот миг страшная упругая сила вдавила ее в песок. Что это было? Это было нечто, объединившее взрыв, вспышку, огонь и свет... У Даф мелькнула кошмарная, паническая мысль, что ей выжгли глаза. Боль, страх, пустота... Даф поняла, что

ее атаковали магией разрушения. Тьма с белыми водоворотами вспышек затянула ее. Девушке показалось, что она раскололась на сотни маленьких кричащих Дафн, что ее вообще больше не существует.

«Говорили тебе, шляпе, лицом в песок! Кошечками брезговала! Ути, какие мы нежные! Получила?»

Возможно, внутреннему голосу стоило быть и повежливее, но с собой Дафна не церемонилась. Правило жизни номер один гласит: «Кто церемонится с собой, с тем не церемонятся другие».

Несколько томительных секунд спустя зрение стало возвращаться. Даф ощутила облегчение. Не ослепла! Ее спасло то, что она посмотрела наверх, сместив взгляд. Но все равно пока она видела лишь контуры, силуэты, тени – не более. В странной пляске теней и бликов ей почудилось, будто камни в подворотне разверзлись, и из красноватого кирпича на дорогу вышагнул человек. Даф затаилась, опасаясь дышать, шевелиться, не решаясь изменить положение тела. Маголодии невидимости она больше не доверяла. В конце концов, та не помогла ей перед вспышкой.

Она скорее почувствовала, чем увидела, как неизвестный остановился, озираясь.

– Если кто-то из светлых был здесь, его уже не существует. Уцелел бы только тот, кто спрятался в сосновом гробу, – произнес человек вполголоса и, повернувшись к Даф спиной, вышел из подворотни. Под мышкой он нес длинный предмет, обмотанный мешковиной.

Голос искажался, прыгал, звучал то как фальцет, то как бас, и Даф не рискнула бы предположить, принадлежал ли он мужчине, девушке или подростку. «Ишь как подстраховался! Заклинание изменения голоса. Плюс магия отведения глаз, закрепленная руной лживости второго уровня. Видишь старушку или навьюченного ослика, а на самом деле это здоровенный циклоп, которому доктор для повышения гемоглобина прописал людоедство, или боевой единорог! – подумала она. – Эх! Москва становится до скучного потусторонним местом. Еще немного, и волшебников разведется столько, что лопухоиды станут достопримечательностью. Но почему же я уцелела?»

Решив, что убежище пора покидать, Дафна стала приподниматься, но больно ударилась обо что-то затылком. Дернулась и уколола плечо небрежно забитым гвоздем. Испуганно откатилась, вообразив невесть что, проехала волосами по влажному песку, вскочила и... уткнулась взглядом в недавно оструганный бортик песочницы – две доски снизу и одна горизонтально для удобства отдыхающих мамочек.

Не кидай мамочке в глазки песочек! Ручки запачкаешь!

«А ведь песочница-то сосновая! Доска сбоку и доска над головой!» – подумала Даф. Внезапно ей захотелось расхохотаться, упасть и, катаясь по песку, повторять: «Ну что, съели?»

Сообразив, что у нее начинается истерика, она больно укусила себя за руку. Боль привела ее в чувство.

Даф подошла к арке, оглядела ее и даже ощупала. Вернувшееся зрение сообщило, что перед ней штукатурка с веселым узором плесени, а под штукатуркой кирпич. Арка как арка. Вполне лопухоидная во всех отношениях. Наличие постоянного магического телепорта не подтвердилось. Значит, проход был временным.

Так вот какая смертельная опасность пригрезилась Эссиорху! У незадачливого хранителя приключился темпоральный сдвиг, и он прозрел угрозу, которая в тот момент еще не наступила. Если бы не появление суккуба, сбившее их с толку, помощь Эссиорха пришлось бы кстати.

Даф хотела уже выйти из арки, как вдруг увидела на асфальте темное пятно. Она присела. Провела пальцем. Поднесла палец к глазам, и внезапно ей стало дурно, тошно и противно.

Стражу света, даже неопытному, достаточно один раз увидеть кровь, чтобы понять, чья она и при каких обстоятельствах был нанесен удар. Лишь одного Даф не могла сказать: кто его нанес.

Глава 2

Ах ты @ и другие звери

Заметив, что край пледа сбился, Ирка поправила его. Она предпочитала держать ноги закрытыми, даже летом, когда в этом не было необходимости. Так иногда удавалось на время забыть об их существовании. Но во время массажа, или переодевания, или когда она мылась в ванне – убежать от ног не удавалось, и они настойчиво терзали ее взгляд и душу – лишенные мышц, сине-белые, с выпирающими коленками, которые могли сгибаться только в руках массажиста.

Как же она ненавидела свое тело: безобразное, ненужное! Как ей хотелось вырваться и существовать независимо, вне плоти. Как она завидовала призракам, привидениям, которые свободно перемещались в пространстве, не завися от тела. Уж им-то не нужна была коляска. И синих кошмарных ног у них тоже не было.

Со временем Ирка привыкла и все чаще воспринимала свое тело как домик из коробок, раковину улитки, в общем, нечто, служащее временным обиталищем разума. Ноги же были досадной помехой, громадным хвостом динозавра, который ей приходилось таскать за собой, когда она по поручням, закрепленным вдоль стен, перебиралась с коляски на кровать или устраивалась в кресле у компьютера.

Порой, засидевшись за книгой или за монитором до середины ночи – Бабаня не слишком настаивала на режиме, ей было попросту на него плевать, – Ирка так уставала, что существовала почти вне тела. Во всяком случае, едва уже вспоминала о нем.

«Лампочки компьютера ночью горят так жутко. Как глаза Вия», – думала она, засыпая, хотя, разумеется, не была лично знакома с почтенным функционером с Лысой Горы.

Весь день она читала – пирамида книг порой вырастала до середины колеса коляски и даже выше. Ее миром было фэнтези – сотни реальностей, иногда жутких, иногда заманчивых, иногда готически строгих, в приглушенных молчаливых красках. Но все они, даже самые тусклые, все равно были лучше

действительности. В результате в мечтах Ирка проводила большую часть жизни. О драконах, кентаврах, грифонах, химерах, заточке мечей и устройстве арбалетов она знала так много, как может знать только человек, ничего этого не видевший и не державший в руках. При допущении, конечно, что все это в минимальном объеме знали авторы, из книг которых она получала информацию.

Школа ее особенно не напрягала, поскольку училась Ирка экстерном. Ей помогали бабушка (в основном служившая морально-волевой дубинкой) и два учителя, с которыми она встречалась по пять-шесть раз в месяц. Уроки с каждым годом отнимали все меньше времени. Порой Ирке казалось, что, стоит ей взглянуть в учебник, она уже заранее знает ответ. Все было просто, логично и... скучно. Тоскливее же всего было записывать в тетрадь и без того ясные ей ответы. Разжевывать элементарные составляющие, все эти скобочки, степени, промежуточные действия и прочие костыли мысли. Раскрывать формулы там, где она разумом перепрыгивала через две-три ступеньки. Под конец, наскучив соблюдать тоскливые школьные условности, Ирка забросила занудные записи и ограничивалась тем, что сразу записывала ответ.

Первое время учителя негодовали, утверждали, что она заглядывает в «решешники» и, по выражению самой Ирки, «крошили батон». Однако так продолжалось до тех лишь пор, пока она не решала одну-две дюжины задач в их присутствии. Тогда учителя переставали изумленно повизгивать и в их глазах появлялось недоумение людей, которые не желают отказываться от выгодного репетиторства, однако в глубине души недоумевают, чему тут еще можно учить.

Экзамены за девять классов Ирка уже сдала. Еще два класса, проглоченных экстерном, и можно будет поступать в институт. Но Ирка особенно не спешила. Интуиция подсказывала, что семнадцати-восемнадцатилетние однокурсники не будут воспринимать ее всерьез, а лишь как забавную говорящую зверушку. А раз так, то студенчество, пускай даже в усеченном колясочном виде, будет безнадежно перечеркнуто.

Этим вечером, когда Бабаня, зевая, кроила в своем ателье маршальский мундир для театра, Ирка была дома одна. И, разумеется, сидела перед компьютером. Компьютеры – большой и ноут – были включены у Ирки даже ночью и, случалось, пугали Бабаню звуками аськи.

Внезапно из кухни донесся странный звук. Упал стул. Звякнули тарелки. Повисла на шнуре и закачалась, царапая стену, подставка для чайника. А в следующее

мгновение Ирке показалось, что она услышала стон. Вполне реальный. Человеческий.

Как всякий компьютерный человек, Ирка мыслила пальцами и пугалась тоже пальцами. Вот и сейчас, прежде чем всерьез запаниковать и забить тревогу, она машинально напечатала:

Rikka: Ко мне кто-то забрался на кухню!

Anika-voïn: Ага! Хотят украсть твой антикварный холодильник!

Miu-miu: бежит на помощь, но по дороге останавливается сделать бутербродик.

Rikka: Я серьезно! Там кто-то стонет!

Miu-miu: жует бутербродик .

Anika-voïn: А вдруг к тебе пришел какой-нибудь придурок с бензопилой? Интересно, бензопилы работают от розетки?

Miu-miu: Не-а, вряд ли!..

Rikka: Идиоты!

В то время, как она напечатала «идиоты!», стон на кухне повторился. Реальность происходящего, наконец, добралась до Иркиного сознания. И ей действительно стало жутко. В конце концов, второй этаж не девятый. Бабаня много раз предупреждала, что с улицы может забраться вор, а если не вор, то какой-нибудь подвыпивший кадр, которому взбрело в голову попить воды из-под крана.

И вот это случилось. Ирка поняла, что сидела у компьютера без света, а раз так, то воры могли подумать, что в квартире никого нет. На кухне давно было тихо, но Ирка каким-то истинным, природным чутьем ощущала, что это ложная

тишина. Там, в темной, неосвещенной кухне, кто-то притаился. Кто-то вполне реальный. Она принялась звонить бабушке по мобильному, но Бабаня не отвечала. Ее мастерская находилась в полуподвале с такими толстыми стенами, что мобильник принимал только, когда она случайно оказывалась у окна.

Решив, что самое разумное будет выбраться к соседям, Ирка стала быстро крутить колеса коляски, а монитор все вспыхивал, выплевывая новые строчки.

Anika-voïn: Эй, ты чего? Взбесилась?

Miu-miu: Куда она делась?

Anika-voïn: А если на нее, правда, напали? Вызовем милицию?

Miu-miu: Ага! Позвоним и скажем: «У юзера Rikka с неизвестным нам ай-пи адресом кто-то стонет на кухне! Когда мы предположили, что у чувака бензопила, она назвала нас «идиотами» и смылась куда-то». И представимся: Anika-voïn и Miu-miu.

Anika-voïn: Ты болван! (берет пулемет и стреляет).

Miu-miu: защищается сковородкой.

Anika-voïn: Сковородку пули пробьют.

Miu-miu: Фигушки. Смотря какая сковородка.

Ирка торопливо перемещала рычаги, приводящие в движение колеса. Коляска ехала в полумраке коридора почти бесшумно, но Ирке чудилось, что ее выдают удары сердца – гулкие, хаотичные, точно внутри располагался обтянутый кожей бубен. Она угадывала уже входную дверь, которая была темнее стен. Открыть замок, затем засов, толкнуть дверь вперед – ни в коем случае не сильно, чтобы она не ударила о стену – и осторожно выехать. Вставить снаружи ключ, повернуть на один оборот – и тогда тот, кто в кухне, не сумеет последовать за ней. Она окажется в безопасности и доберется до соседей.

Правда, самое страшное впереди: от кухни до двери ведет короткий коридорчик – шага в три-четыре, не больше. И дверь из кухни просматривается прекрасно. Одна надежда на мрак. Если глаза того, кто забрался на кухню с более светлой улицы, не привыкли к темноте, у нее есть шанс.

Повторим еще раз: замок – засов – вытащить ключ – выехать – вставить снаружи ключ – закры ...

Но прежде чем цепочка завершилась, мир дрогнул. Ладонь потеряла рычаг, натываясь повсюду лишь на резиновую упругость шины, а в следующий миг теплый линолеум ударил Ирку по щеке. Ирка лежала, недоуменно созерцая перевернувшийся мир. В голове гудело. Она слишком поздно сообразила, что зацепила край обувного шкафа, который обычно старательно объезжала. Темнота из друга стала врагом.

Понимая, что шумом безнадежно выдала себя, Ирка торопливо поползла и, как улитка раковину, потащила за собой коляску. Ее бесполезная предательская ступня – как же Ирка ее ненавидела в этот момент! – разумеется, угодила между спиц.

Покачнулась обувная полка, успевшая войти в заговор с коляской. Весело запрыгали убранные на лето зимние ботинки. Вещный мир разом обиделся и восстал на Ирку. Выглядело это трагикомично, на пересечении готики и обычного житейского фарса.

На кухне вдруг вспыхнул свет. Он был мало похож на электрический. Голубоватый, настойчивый, гораздо более яркий, он рвался наружу и освещал коридор. У Ирки заболели и заслезились глаза. Мир запестрил полосками крашенных стен (Бабаня ненавидела обои), заморгал легкомысленными вазочками на деревянных полках:

«Ну вот! Теперь точно всё!» – подумала Ирка, понимая, что, лежа, да еще прикованная к коляске, никогда не дотянется до замка.

Приподнявшись на руках, она тревожно заглянула в освещенную кухню, ожидая увидеть приземистую мужскую фигуру с ломиком, фонарем и большим мешком. Так она почему-то представляла себе квартирных воров. Но действительность

потрясала больше любой наивной фантазии.

У стола среди осколков посуды лежала белая волчица. Обращенный к Ирке бок зверя был в крови. Волчица смотрела на Ирку изучающе, без ярости. В глазах зверя застыла тоска.

– Привет! А... а... а я вот тут ползу! – зачем-то сказала Ирка.

Верхняя губа волчицы приподнялась, обнажив длинные желтоватые клыки. Из раны продолжала течь кровь. Большими каплями она сбегала по намокшей шерсти.

– Тебе больно? Бедная, бедная моя! – проговорила Ирка, соображая, где волчица могла получить рану.

Порезалась, прыгая через стекло кухни? Но кухонное стекло выглядело целым. Откуда вообще мог взяться волк, да еще и альбинос, в городе, на втором этаже, при целом стекле?.. Но это все второстепенно. Многие вещи полезнее воспринимать как данность.

Жалея зверя, Ирка попыталась подползти к нему, подтягивая руками непослушное тело. О том, что испуганная, страдающая волчица может броситься, она не задумывалась. Слишком много ума было в печальных глазах зверя. Когда же, вскинув морду, волчица завывала, ее вой, негромкий, прерывистый, сразу оборвавшийся, походил на человеческую речь. Точно волчица хотела произнести нечто, но, не получив ответа, осознала тщетность своей затеи. Она попыталась встать, но не сумела. Задние лапы зверя так и не оторвались от пола, и она тяжело упала грудью на линолеум.

Так они долго лежали на полу. Две калеки – человек и зверь, в равной степени беспомощные. Разве что для Ирки беспомощность была привычна, волчица же, похоже, столкнулась с ней впервые. Ирка говорила какие-то одобряющие, отрывистые, не очень связные слова, а волчица то негромко рычала, то выжидательно смотрела на нее.

Наконец, изогнувшись, Ирке удалось высвободить ногу и избавиться от коляски. Без коляски Ирка тащила непослушное тело по линолеуму гораздо резвее. Волчица понимающе наблюдала за ней, не пытаясь сдвинуться с места. Изредка

она поворачивала голову и лизала рану. Однако та была слишком глубока, и зверь лишь растравливал ее языком.

– Не трогай ее! Надо чем-то заклеить или позвонить в ветеринарку, если только эти дураки не будут стрелять в тебя снотворным. погоди, я только... Блин, я же до стола не дотянусь, – бормотала Ирка, надеясь звучанием голоса успокоить волчицу.

Ирка почти доползла до стола, когда голубоватый странный свет померк, загадочным образом свернулся спиралью и окутал волчицу. Волчица завывала, и вой ее, становящийся с каждым мгновением все тише, был воем смерти. Она положила морду на лапы, продолжая смотреть на Ирку. Вой перешел в хрип и смолк. Взгляд помутился и остекленел.

Ирке чудилось, что она бредит. Тело мертвого волка менялось. Свалывшаяся шерсть с пятнами крови все больше напоминала перья. Морда с оскаленными клыками превратилась в белую птичью голову с клювом. И вот посреди кухни, слясь взлететь, забился лебедь со сломанным крылом. Кухня была тесна для огромной птицы. Здоровое крыло цепляло стол. Наконец, обессиленный, лебедь перестал биться и, вытянув шею, издал горловой жалобный звук. И снова это походило на речь.

– Я не понимаю! – беспомощно сказала Ирка.

Она уже не подползала ближе – застыла в метре или двух от лебедя, ощущая, что и это еще не конец превращению. И не ошиблась. Внезапно тело лебедя зарябило, теряя очертания. Серебристые искры обжигали Ирке лицо. Спасая глаза, она закрыла его руками. Когда же, щурясь, решилась выглянуть, то увидела молодую женщину в длинном белом одеянии, полусидевшую на полу. Ее ключица была разрублена страшным ударом. Женщина истекала кровью.

Обращаясь к Ирке, она хрипло произнесла что-то. Ирка замотала головой, показывая, что не понимает. Строгое, классически красивое лицо женщины исказила легкая досада.

– Не бойся меня! Я лебединая дева, – повторила она уже по-русски.

Голос ее звучал гортанно и отчужденно. Было в нем что-то и от воя волчицы, и от трубных звуков лебедя.

- Лебединая дева? - переспросила Ирка.

- Порой нас называют валькириями. Скоро я уйду совсем. Он застиг меня врасплох. Я думала: он слаб, и ошиблась. Это я оказалась слаба. Меч нанес мне рану, от которой мне уже не оправиться. Две мои сущности - лебединая и волчья - уже погибли. Теперь смерть подбирается к последней...

Ирка подползла к валькирии. Она едва верила в реальность происходящего и то и дело взглядывала вниз, туда, где ее обкусанные ногти царапали линолеум. Логика была такая: ногти на пальцах настоящие, линолеум с шелухой от лука тоже более чем реален. Шелуха и валяющийся под столом очешник Бабани слишком подробны для сна. Но особенная свобода и творческая беглость, пропускающая незначачие детали - та самая смелая беглость, которая всегда сопутствует сну, не исчезали, сбивая Ирку с толку.

- Кто ранил тебя? - спросила она, отложив на время мысль, реально ли то, что она видит, или это подглючивают прописанные позавчера новые таблетки.

Валькирия строго взглянула на нее. В ее усталых, то и дело меняющих цвет глазах было что-то пронизывающее, потустороннее. Странная сила, власть и мудрость. На стене за спиной лебединой девы Ирке смутно чудилась тень огромных весов. Разверзались миры. Из праха созидались вселенные. Судьбы сплетались и расплетались точно золотые волосы в косе.

Наконец валькирия отвернулась. Тень весов исчезла. Стена узорного кафеля предстала перед Иркой во всей своей тоскливой пошлости, мельтеша свеклой, морковками и прочей идиотической ботвой.

- Не старайся узнать. Пока ты не готова. Твое время еще настанет!

Дева закашлялась. В уголках губ выступила кровь.

- В узоре рун Жутких Ворот существовала единственная погрешность. Одна из рун была не закончена, и он сумел, завершив ее, превратить в собственную

противоположность... Бежать было невозможно, но он послал наружу свое дыхание. Я стояла снаружи, но ничего не увидела. Это моя вина, ибо я была его стражем в это столетие. Его дыхание вселилось в тело посланца, и он ранил меня мечом, который разит даже бессмертных. Некогда это был меч света, и даже теперь, пройдя множество рождений, сохранил власть над нами, его созданиями. Я не успела парировать удар. Слишком неожиданно было получить его от того, кто его нанес.

– В чье тело он вселился? – быстро спросила Ирка. Это знание почему-то показалось ей важным, хотя она не знала даже, кто этот он.

– Ты задаешь хорошие вопросы. Твой ум пытлив и беспокоен. Ты не из тех живых мертвецов, головы которых пусты, а глаза погасли раньше смерти. Думаю, я поступила верно, выбрав тебя...

Голос валькирии слабел. Зрачки теряли цвет, становясь почти прозрачными. Ирка внезапно осознала, что вместе с цветом зрачков из лебединой девы уходит жизнь.

– А если перевязать? Там у Бабани аптечка... – сказала она беспомощно.

Валькирия посмотрела на свою разрубленную ключицу и слабо усмехнулась.

– Раны, нанесенные этим мечом, не закрываются. Даже царапни он мне палец – я была бы обречена. Запомни главное о том, кого ты должна остановить! Тебе предстоит столкнуться не с ним даже, а лишь с его дыханием. Но и в нем достаточно силы, чтобы покончить с тобой. Он не имеет своей плоти, ибо она давно стала прахом и ветер развеял ее. Его дух способен вселиться в любое из немногих подходящих тел, потеснив его владельца. Однако пока он находится в чужом теле, его возможности будут не больше тех, что имеет это тело. Для того чтобы атаковать всерьез, в полную мощь, он покинет его, и лишь тогда ты способна будешь сразиться с ним. Если же он не покинет тело, ты бессильна. Твое копьё пронзит лишь человеческую плоть и его истинного хозяина, но не затронет того, кто скрывается внутри. Грех же безвинного убийства сделает тебя слабой, и ты ничего уже не сумеешь сделать.

– А как я узнаю его?

– Не сомневайся. Его невозможно не узнать. Когда его дыхание покинет тело, оно станет видимым даже в полдень. Это призрак всадника на рыжем коне. Сражайся с ним так, как ты сражалась бы с обычным всадником. Для твоего оружия призрак будет уязвим. Но опасайся его магии: она представляет для тебя угрозу, равно как и поразивший меня меч.

– А если он не захочет покидать тело? – резонно спросила Ирка.

– Тебе поможет Антигониус, если признает тебя своей хозяйкой, – ответила валькирия.

По ее бледному лицу тенью скользнула печаль:

– Возможно, удар меча не застиг бы меня врасплох, окажись Антигониус рядом. Он наделен даром предвидения, изгнания, прозрения истинной сущности и многими иными способностями.

– Кто такой Антигониус? – спросила Ирка.

Валькирия неожиданно улыбнулась, согретая какой-то тихой приятной мыслью.

– Это самый деликатный вопрос. Лучше его не затрагивать лишний раз. Однажды домовый полюбил кикимору!.. Любовь, любовь! Кого только ты не ловишь в свои сети!.. Правда, это была не совсем чистая кикимора! Ее дедушка по матери был вампир, бабушка по отцу – русалка, а дедушка по отцу – леший!.. Кроме того, поговаривали еще о каких-то гномах и Белоснежке, но это сомнительно... – сказала она.

– И?.. – осторожно подсказала Ирка.

– Антигониус станет твоим слугой, союзником и советчиком. При благоприятном раскладе. Правда, с Антигониусом бывает тяжело. Порой без него гораздо проще, чем с ним, – признала валькирия.

Веселость уходила из нее вместе с жизнью. Ее глаза уже видели вечность.

– А я смогу позвать его? – спросила Ирка.

– Звать Антигониуса необязательно. Во всяком случае, делать это вслух. Порой достаточно правильно о нем подумать, – отвечала валькирия.

– А как правильно думать об Антигониусе?

Валькирия покачала головой.

– Не могу тебе сказать. Ты должна понять сама. В противном случае ты никогда не найдешь с Антигоном общий язык. Уж больно странное существо... Теперь же поговорим о враге. О том, как ты найдешь тело, в которое он вселился...

Голос валькирии был едва различим. Паузы между словами увеличивались. Ирке приходилось подползать все ближе, напрягая слух.

– Ему подходят не все тела. Тел, которые могут принять его сущность, всего четыре в этом мире. Одно из четырех он не осмелится тронуть пока... Но лишь пока... Значит, искать надо среди трех оставшихся... – сказала валькирия. Кровь уже едва текла из раны. Лицо становилось серым.

«Она умирает!» – с внезапной ясностью поняла Ирка.

– Не тревожься! Полубоги не уходят без следа. Они не могут покинуть этот мир, не передав бессмертие и дар, – прочитав ее мысли, произнесла валькирия. – Возьми мой крылатый шлем!

– Шлем? – озираясь, повторила Ирка. Она не видела шлема.

Лебединая дева закашлялась. Кровь, прежде пузырившаяся в уголках губ, побежала по щеке. Ирка подползла к валькирии. Та, совсем ослабевшая, осторожно легла на спину, помогая себе здоровой рукой. Ее длинные светлые волосы разметались по линолеуму. Ирка невольно подумала, как странно они обе выглядят. Два получеловека – умирающая и калека – в кухне зауряднейшего из домов, на полу, залитом кровью, обсуждают судьбы мира и бегство непонятого существа из-за Жутких Ворот.

– Когда будет нужно – ты увидишь его и займешь мое место! Останови посланца, пока он не обрел силу... Не дай ему застать себя врасплох. Не повтори мою

ошибку!

Каждое новое слово давалось валькирии с трудом, вместе со звуками выталкивая из горла кровь.

– У нас мало времени... Поклянись светом своего эйдоса, что принимаешь мой дар и понесешь его в вечности, пока не исчезнет твое дыхание. Без этого шлем не станет твоим.

– Но что такое эйдос?.. – осторожно спросила Ирка. Клясться тем, о существовании чего она не знала, представлялось ей неразумным. Что-то неуловимо шевельнулось у нее в груди, подсказывая ответ. – Клянусь! – подчиняясь порыву, сказала Ирка, но тотчас с сомнением добавила: – Но как я могу остановить кого-то... На этой идиотской коляске я даже по ступенькам не могу спуститься без бабушкиной помощи?

Губы валькирии дрогнули, попытавшись сложиться в улыбку. Слабым движением руки она приказала Ирке молчать.

– Это... не имеет... значения... Не отвлекайся на мелочи. Мы должны все успеть. Si fata sinant[1 - Если бы угодно было судьбе (лат.) .]. О немочи же не волнуйся. Я забираю себе твою боль! Твои шрамы на спине, твои мертвые ноги... Я принимаю их как ответный дар. Согласна ли ты передать его мне? – сказала валькирия.

– Да, – быстро сказала Ирка, остро ощущая все свинство такого ответа.

Лебединая дева заунывно пропела что-то. Это пение невозможно было повторить. Оно было чем угодно, но только не человеческой речью. Рычанием тигра, воем волка, клекотом сокола...

Едва смолк последний звук, валькирия тяжело повернулась на бок. Ирка увидела, что ее белое одеяние окрасилось на спине кровью. Две длинных кровавых полосы прошли как раз там, где были шрамы у самой Ирки.

Ирка вскрикнула. Валькирия жестом запретила ей приближаться.

– Искупление! Наказание за то, что когда-то давно я совершила зло! – произнесла валькирия хрипло. – Ноша скорби и радости отмерена каждому наперед. Ничего не может исчезнуть просто так. Боль, исчезнувшая у одного, возникнет у другого. Я взяла твой груз – не более того.

– Но зачем? – крикнула Ирка, с невольной радостью ощущая, как теплеют ее ноги. Это было новое чувство, неясное, радостное. Словно по мертвому сухому дереву побежали весенние соки.

– Не благодари! Мне недолго нести чужую ношу. Мое солнце идет на закат, твое на рассвет, – усмехнулась валькирия. – Когда уходит одна валькирия – должна прийти другая. Вскоре твое тело обновится, раны зарастут... Наклонись! Ближе... Еще... Ты примешь мое последнее дыхание!.. С ним я передам тебе свою силу! Не думаю, что ты сразу получишь весь дар, но постепенно он придет к тебе... И самое главное: в этот миг не думай ни о чем постороннем! Твое сознание должно быть пусто и прекрасно, как хрустальный бокал. Это необходимо, чтобы началось перерождение...

Ирка хотела заявить, что представления не имеет, как принимают дыхание, но валькирия не слушала ее.

– *Si ferrum non sanat, ignis sanat*[2 - Если не излечивает железо, излечивает огонь (лат.) .]. *Sic vos non vobis vellera fertis, oves. Sic vos non vobis mellificatis, apes. Sic vos non vobis fertis aratra, boves*[3 - Так вы не для себя приносите шерсть, овцы. Так вы не для себя мед собираете, пчелы. Так вы не для себя плуг тащите, волы (лат.). Вергилий.], – бормотала она.

Голос валькирии едва звучал, затихая. Ирка сосредоточилась. Она не знала, как принимают последнее дыхание, и боялась что-то сделать не так. Внезапно она увидела, как неясное розовое сияние окутало голову валькирии. От губ ее отделился нечеткий светлый призрак. Вглядевшись, Ирка разглядела миниатюрную фигуру женщины в шлеме, сияющем нагруднике, с копьем в руке. Превратившись в сладковатый дым, она скользнула к лицу девочки.

«Вот сейчас... – подумала Ирка. – Что я должна?.. Ага, не думать ни о чем постороннем. Представить себе хрустальный бокал?»

Она стала честно представлять себе бокал, но, как всегда бывает с воображением, оно упрямылось и вместо бокала представлялся стакан с разводами томатного сока на стенках.

Призрак женщины в шлеме приблизился к ее губам и замер, укоряюще качая головой и словно сомневаясь. Затем, начиная уже рассеиваться, он двинулся вперед. Помимо своей воли Ирка глубоко вдохнула, ощутив, как нечто неведомое слилось с ней и стало ее частью.

Ирку вдруг охватил восторг, который она не считала нужным скрывать. На краткий миг она ощутила себя огромной, вобравшей все тайны земли, подземья и океанского дна. Сплетенные клубки параллельных миров и тугие, строгие, подобные часовой пружине, петли времени – все стало таким же естественным для нее, как расположение комнат в квартире.

Ирка рассмеялась, и смех ее пронесся над июльской Москвой внезапным раскатом грома. Мгновенный ураган взлохматил газоны, взметнул пыль на набережной, зазвенел вывесками, разбил несколько форточек, опрокинул столики в летнем кафе, запуржил старыми газетами. Лопухоиды останавливались и с тревогой щурились на ясное небо. Некоторые привычно проверяли в сумках зонтики, не зарыт ли в вещах, быстро ли откроется. И их движения были машинальны и точны, подобно тому, как воин проверяет, не застрянет ли в ножнах меч.

– Приветствую тебя, новая валькирия! Тише, тише! Не так резво! Прибереги магию! – услышала Ирка едва различимый грустный голос.

Опомнившись, Ирка перестала хохотать. Ощущение всемогущества исчезло. Ирка поняла, что напрасно расходовала силы, к которым следует прибегать лишь по необходимости.

Перед ней на кухонном полу умирала от раны молодая женщина, отдавшая ей свои силы. Теперь, когда магия ушла, ее беспомощность проявлялась во всем. Особенно жалки были тонкие, слабые, нелепо подвернутые ноги. И столь же остро Ирка ощутила, что, несмотря на свое теперешнее могущество, не сможет помочь ей.

Ощувив її растерянність, лебедина дівка слабо усміхнулася. «І хто кого повинен ободряти? Вона навіть зараз сильніше мене духом!» – подумала Ірка зі соромом.

– Зараз не час для сльоз. Превращаючись у вовчицю або лебедя, будь обережна. Цей дар дуже рідкий. Я єдина з усіх валькірій володіла їм. Порой він зручний, але пам'ятай, що при цьому частину твого розуму відходить і замінюється розумом пташки або вовка. Це не небезпечно, поки ти керуєш, але порой стихія може захопити тебе. Завжди усвідомлюй, де закінчується твоя воля і починаються бажання звіра і пташки. Це чудово важливо. Не забудеш?

– Ні.

– І ще запам'ятай! Ніхто з тих, хто знав тебе раніше, не повинен дізнатися таємниці, хто ти є насправді. Ти не зможеш відкрити їм її ні під тортурами, ні в мить радості, ні в мить гніву... Отримай ти валькірія. Старшої Ірки більше не існує. Твоє минуле відомо тільки тобі і мені.

– Так, але якщо так, то... – почала Ірка.

– Для своєї бабусі ти по-ранішньому будеш калікою, прикованою до крісла. Ніхто не в стані проникнути в твою таємницю, поки ти сама зберігаєш її, – нетерпеливо сказала валькірія.

– А якщо не зберігаю? – запитала Ірка.

– Якщо не збережеш – той, хто чув її, навіть випадково, втрачає розум і гине. І неважливо, хто це буде: родич, випадковий знайомий або коханий. Смерть не мине його.

– А Мефодію теж не можна сказати? – запитала Ірка несподівано для себе. Вона хотіла сказати «А бабуся?», але замість цього вилетів Мефодій.

Запитання викликало у лебединої дівки незадоволення. І незадоволення, як здалося Ірці, було пов'язано саме з іменем, яке вона чула.

– Ему тем более!.. Валькирия может открыться тому лишь, кому передает дар. А теперь прощай! Illi robur et aes triplex[4 - У того мощь дуба и тройной меди (лат.). Гораций, «Оды».]...

По телу валькирии прошла крупная дрожь, и внезапно оно исчезло. В воздухе повис веселый радостный звон, похожий на звук далекого колокола или на весеннюю капель, когда капли звонко падают на лист железа.

На полу возник серебристый шлем с литыми крыльями и стреловидным выступом, защищающим центральную часть лба и верх переносицы. Ирка осторожно коснулась шлема. Она услышала негромкий звон. Литые крылья колыхнулись, затрепетали ожившими перьями. Они стали тоньше, длиннее, воздушнее, утрачивая прежние мощные, немного давящие очертания. Ирка поняла, что шлем подстраивается к новой хозяйке. Поняла, что он ждет ее.

Чувствуя, как дрожат пальцы, Ирка взяла шлем и надела поверх войлочного подшлемника. На это ее знаний хватило. Шлем без подшлемника надевают либо обладатели от природы мягких голов, либо лихие авторы фэнтези, мужественные герои которых натягивают с утра доспехи поверх семейных трусов и, нацепив уздечку, позевывая, ведут прогуливать по лугу поскуливающего от нетерпения боевого коня, который уже заранее нацеливается многоопытным лиловым глазом на раскидистый кустик.

Едва стреловидный выступ соприкоснулся с центром Иркиного лба, она вновь ощутила живой согревающий жар, который возник у нее в миг, когда она познала тайны земли и воды. Привычный мир треснул, точно скорлупа яйца, снаружи которого оказалось что-то несоизмеримо огромное. Сознание оказалось не в силах сразу заполнить такой объем.

Ирка закричала. То, что она испытала, было сродни чувству человека, который считал, что он один в темной и мрачной комнате с паутиной. Все плохо и безотрадно. И вдруг вспыхивают прожектора, и он видит, что стоит на арене цирка, полного смеющихся людей. То же, что прежде казалось серой реальностью, оказалось смешной фанерной декорацией, которую довольно было толкнуть ладонью, чтобы она опрокинулась.

Ощувив, что на лоб упали волосы, Ирка нетерпеливо отбросила их и внезапно поняла, что шлема на голове уже нет. Соскочил? Ерунда, не могло такого быть.

Искать его глазами на полу она не стала. Ее не покидало ощущение, что крылатый шлем валькирии остался и не покинет ее, даже если придется ласточкой нырнуть в водопад. Есть вещи, которые потерять невозможно. Можно их только предать, изменив своему назначению.

Лишь одного Ирка сделать пока не решалась: взглянуть на ноги. Двигать ими она не пыталась, хотя и ощущала странное, незнакомое покалывание в ступнях.

«И долго ты будешь трусить? Вставай и иди, дрянь! Не можешь идти – ползи!» – подумала она и, закрыв глаза, попыталась шевельнуть большим пальцем. Шевельнула и так и не поняла: получилось у нее или нет – так велик был страх неудачи. Пот, холодный как вчерашний бульон, заливал лицо.

«Ну же! Ну! Так и будем лежать и ждать, пока Бабаня вернется и погрузит нас на колясочку? Вперед! Двигайся, дохлая лошадь!»

Рассердившись на себя, ненавидя ощущение страха как таковое, Ирка повернулась, с привычным недоверием уставилась на ноги и... вместо того, чтобы обрадоваться, помрачнела, заподозрив подвох.

Если прежде ее ноги напоминали обтянутые кожей кости скелета, то эти могли бы принадлежать модели. Сильные, ровные, смуглые. Идеальной формы колена. Бедро бегуньи или танцовщицы. Голень мускулистая, но не чрезмерно. Красивая стопа. Послушные новые ноги, которые станут повиноваться любому желанию. Бегать, плавать, без отдыха занесут хоть на девятый этаж. Будут сводить с ума, привлекать взгляды...

Ирке внезапно захотелось заплакать. Устроить истерику в духе театра драмы. Швырнуть что-нибудь в стекло кухни, чтобы оно брызнуло осколками, острыми, как обида, режущими, как разочарование. Что-нибудь в меру тяжелое, чтобы перед ударом в стекло оно успело описать в воздухе красивую дугу.

Она ощущала себя ребенком, который без разрешения заскочил в магазин игрушек, взял дорогую куклу и вертит ее в руках, зная, что сейчас прозвучит строгий голос и придется положить ее на место.

– Вот ты где? Хочешь, чтобы я всюду тебя искала? Я с тобой на улице поговорю!

Но секунды томительно текли, а грозный голос все не звучал. Старые мертвые ноги тоже не возвращались.

Ирка встала, пошатываясь. Встала и удивилась, что навык этого движения не позабыт и не утрачен. Сделала шаг, другой. Квартира показалась ей маленькой, непривычной, давящей. Дважды она в тревоге вскидывала голову, пока не поняла, в чем причина: она опасалась удариться о потолок. Она привыкла видеть квартиру с коляски или с кровати, и ощущение объема у нее осталось прежним, пониженным, колясочно-кроватьным.

Ирка сжала и разжала пальцы. Они остались прежними, но на деле неуловимо изменились. Запас сил, который она чувствовала, не был запасом силы смертного. Ирка поняла вдруг, что стоило ей пожелать и она продавила бы стену дома ладонью, точно бумажную. Она ощутила ток крови – багровой, пьянящей, как красное вино. Свежие весенние силы бурлили в ней и рвались наружу.

Память прошлых воплощений, дремлющих магических умений захлестнула ее, но Ирка заставила память отступить, затаиться. Она почувствовала, что это знание пока опасно, так как может затопить ее собственное, пока не окрепшее сознание.

Ирка ощутила острый укол любопытства. Обойдя коляску, она вошла в ванную и сразу, не позволяя себе новых колебаний, посмотрела в зеркало.

Из забрызганного зубной пастой зеркала – Бабаня всегда чистила зубы с тем рвением, с которым оттирают кастрюли с пригоревшей пищей – на нее смотрело красивое юное лицо. Ирка и узнавала и не узнавала себя. Да, это была она. Но одновременно и не она. Разница между прошлым и нынешним ее обликом была так велика, словно картину посредственного художника поправил гений. Все осталось как будто прежним – нос, лицо, волосы, но девушка в зеркале была иной.

Долго, очень долго Ирка разглядывала себя. Когда же каждая черта запечатлелась в памяти, она, подчиняясь неожиданному порыву, прищурилась и изменившимся зрением увидела лебедя и белую волчицу. Не тех, что умирали на ее глазах на кухонном полу, других, собственных, вобравших неуловимо черты самой Ирки.

И Ирка поняла, что в любое мгновение по первому желанию она сможет стать лебедем или волчицей. Однако пока она медлила, зная, что время еще не настало.

– Я валькирия! Лебединая дева. Дева-воительница! – крикнула Ирка в полный голос. Страх, что все может исчезнуть, улетучился. Все было незыблемо.

Зеркало брызнуло осколками. Некоторые прыгали в сток воды, другие – на пол. Ирка виновато посмотрела на покосившуюся деревянную раму.

– Извини, зеркало! Я просто дурында! Я забыла, что ты знало меня прежней! – сказала она и, перешагнув через осколки, вернулась в комнату. На мониторе компьютера, продолжавшем жить своей жизнью, вспыхивали новые строчки.

Anika-voïn: Эй, Rikka, ответь! Тебя убили или не убили? Что там за бомж торчал на кухне?

Miu-miu: Ты чего, больной? Как она тебе ответит, если ее правда грохнули?

Anika-voïn: Но должен же я знать, когда мне нужно будет переживать! Я, может, уже рыдаю. У меня пальцы, может, мимо клавиатуры уже пролетают?

Miu-miu: Испарись, ничтожество!

Anika-voïn: Остынь!

Ирка подвинула клавиатуру и, одними заглавными буквами решительно напечатав несколько слов, отослала.

Rikka: Я ЕСТЬ, НО МЕНЯ НЕТ. ЖИЗНЬ СОЗДАЛА НОВЫЙ ФАЙЛ!

Не дожидаясь, пока ее виртуальные собеседники осмыслят написанное и забегают пальцами по клавишам, Ирка выключила компьютер, а следом за ним и ноутбук. Зеленая лампочка ноутбука долго не погасала от удивления. Но, наконец, погасла. Иллюзорная жизнь закончилась.

Глава 3

Три – это два с грустно опущенным песьим хвостиком

Пару лет назад это было. Вологда. Пьяное мартовское солнце. Бесконечная агония зимы. Воскресенский собор. Нижние ступени обледенели, лед желтоватый, слежавшийся, со шрамами от ударов лома, с вмерзшим песком. Вздорный воробей пытается искупаться в луже, прыгает и – катится грудью по тонкой корочке.

У собора толчется Витька-юродивый. Мятое опухшее лицо, мшистые брови, борода до глаз, пронзительный взгляд. Голова сидит на шее косо, вкривь. Из заштопанного кармана женского пальто в небо целится горлышко. То ли и вправду юродивый, то ли нет, но, говорят, в точку бьет, на три метра под землей видит.

Мефодий в окружении пестрой ватаги местных ребят проходит мимо, и юродивый внезапно вытягивает его костылем по спине.

– Ты что, сдурел? За что? – кричит Мефодий. Ему не столько больно, сколько жутко.

Юродивый снова замахивается костылем.

– Ишшо узнаешь за что! – и ядреная, сводящая скулы ругань.

Мефу одиннадцать. С Зозо он здесь на каникулах. Времени мало, а надо вписаться в новую компанию, стать своим. Одна слабость, одна неотмщенная обида – и заклюют, разорвут. Лишь по отдельности дети – маленькие ангелы. Вместе же – стая волчат со своими законами.

Под хохот приятелей Мефодий хватает кусок льда.

– В рожу ему кинь! – кричит кто-то.

Но Витька-юродивый, опершись на костыль, смотрит так упорно, с таким испепеляющим презрением, что рука Мефодия словно случайно дрожит и лед летит под ноги, разбрызгиваясь желтоватыми осколками..

Сны, сны, сны. У всего есть обратная сторона. За яркие дни мрак берет плату скверными ночами. Вот под деревом в траве лежит персик. Он так мягок на вид, так блестит росой его пушок, что желудок томится от счастья и беспокойства, точно второкурсник на первом свидании, который, стоя под часами, сам того не замечая, отгрызает листья от букета с тюльпанами. Но, увы, под руку со счастьем всегда идет разочарование и грызет его кариесным зубом. Когда поднимешь персик, обнаружишь, что дно уже размокло и в сладкой гнили обязательно копается червяк.

Не первую уже ночь Мефодия преследовало нечто вязкое, гораздо более упорное, чем просто сон. Он ощущал, что вокруг роятся незримые духи – слуги мрака, что тысячи настойчивых глаз не отпускают его ни на миг. И непонятно было, что плещется на дне этих глаз – подобострастие, страх, глумливое ли ожидание.

Сегодня Мефодий видел во сне, что стремительным потоком его несет к водопаду. Перед водопадом огромные темные ворота. В центре ворот – львиные морды с выпуклыми чеканными глазами. В зубах – бронзовые кольца. Мефодий знает, что, как только он окажется с той стороны, ворота закроются и произойдет нечто ужасное, непоправимое.

Мефодий пытается выгрести, хватается за камни, судорожно работает ногами, но бесполезно. Страшные ворота все ближе. Видно, как вода, проходя сквозь них, чернеет, а затем обрушивается в ничто. От ужаса Мефодий кричит и

просыпается. Он сидит на кровати и судорожно откашливает несуществующую воду. Затем сильно ударяет себя по щеке, и лишь резкая плоская боль убеждает его, что это не сон уже, а явь.

Июль в Москве выдался влажным и душным. Днем жара, ночью проливные дожди. За окном уже светало. Голубоватый, бесполезный свет фонарей плыл в молочном тумане.

– Дурдом! – громко сказал Мефодий. Сказал, просто чтобы услышать свой голос. Пустой дом на Дмитровке, 13, равнодушно проглотил его слова. Ему и не такое приходилось слышать. И не такое видеть.

Недавно по требованию Арея Мефодий покинул гимназию Глумовича и перебрался в Канцелярию мрака, в комнату на верхнем этаже, сразу над офисом. Сюда действие пятого измерения не распространялось – Арей по возможности ограждал Мефодия от излишней магии. Вокруг были зеленоватые, с облупившейся штукатуркой стены, выбитый паркет и высокие потолки с наядами, танцующими вокруг крюка от отсутствующей люстры. Если величина комнаты могла испугать, то скудость мебели удивить. Старинная высокая кровать в самом центре и легкомысленный стул на тонких изогнутых ножках. На стуле стоял глубокий таз с водой, которой Мефодий умывался. Вода в тазу никогда не заканчивалась. Пару раз, экспериментируя, Мефодий пытался через дыры в полу залить расположенный внизу офис, но у него ничего не получилось.

В дополнение к кровати и стулу в углу обретался старинный рояль, скалящийся желтоватыми клавишами. Иногда Мефодий подходил к нему и, наудачу нажимая, извлекал из недр инструмента глухой и таинственный звук.

Совсем близко раскинулись скучная Тверская, веселая и дряхлая старушка Воздвиженка, строгий Кузнецкий. Однако здесь, в комнате с огромным окном, снаружи которого была натянута строительная сетка, города как-то не ощущалось. Москва сгнула, провалилась куда-то, стала пустой и ненужной декорацией.

Мефодий встал и с досадой пнул ножку кровати – громадной, резной, царской. Не так давно кровать, зловеще ухмыляясь, привез откуда-то верный Мамай. Мефодий еще, помнится, задумался: если Мамай ездит на машинах, которые давно сгорели, то не оттуда ли, из небытия, из кладовой про

Мефодий даже стащил тяжеленную перину и внимательно осмотрел ту часть кровати, что была под ней. Он все пытался понять, отчего ухмылялся пластилиновый хан. Да, так и есть. В кровати засели несколько сплюснутых пуль.

Продолжив изучение кровати, Мефодий обнаружил хитрый выступ, соответствующий глазу грифона. Нажми на него – нижняя часть ложа прокрутится и вновь станет на место, как ни в чем не бывало. Мефодий вспомнил распространенный сказочный сюжет про девиц-злodeек. Попарив в баньке и поцеловав в уста сахарные, уложит девица купца на мягкую перину, и тот среди ночи, переломав руки и ноги, внезапно окажется в подземелье.

На всякий случай Мефодий забил грифону глаз спичками, обезвредив секретный замок. При этом он понимал, что едва ли у мрака были планы свести с ним счеты таким образом. Арей не любит дешевых трюков. Даже для Лигула это и то мелко. Другое дело, что сам предмет мог попасть сюда, на Дмитровку, 13, лишь пройдя определенную фильтрацию в ткани бытия.

«Интересно, а стулья чем отличились?» – задумался Мефодий, и тотчас его воображение услужливо захлестнула навязчивая память предмета. Вот тощий чиновник с испитым лицом встает на стул и осторожно, точно галстук, надевает на шею петлю. Вот он стоит, покачиваясь, рассеянно моргает, а решимости все нет. Наоборот, им вдруг овладевает дикое желание жить. Он смотрит по сторонам на крашенные стены, на стоящие у двери калоши – и мелкие, подвижные, деятельные мысли отвлекают его. Надо бы закрыть окно, чтобы не дуло, да вычистить мундир, да выпустить на лестницу кошку... Возможно, не все еще так безысходно? Раздумав, чиновник тянется, чтобы снять с шеи петлю, но внезапно тонкая ножка стула подламывается. Пальцы царапают веревку. Длинная черная тень прыгает по стене.

Мефодий провел ладонью по лицу и с такой ненавистью взглянул на стул, что тот вспыхнул. Огонь пробежал по спинке, облизывая лак, как ребенок слизывает шоколад с мороженого. В комнате стало дымно. В горло точно забились вонючая крыска. Скреблась лапками по стенкам, щекоча хвостом в носу.

Мефодий попытался представить пену огнетушителя, заливающую стул, и представил довольно живо. Однако пена так и не материализовалась там, где нужно, лишь с улицы донесся хриплый вопль. Буслаев мысленно извинился перед ранним прохожим.

Стул продолжал пылать.

«Вечно со мной такое! Вся магия только стихийно! Когда же нужна – обломаешься!» – сердито подумал Мефодий, суетливо пытаясь сбить пламя подушкой. Спалив подушку, он запоздало обнаружил таз с родниковой водой и, мысленно поставив себе диагноз, стал тушить пламя. Огонь погас лишь тогда, когда Мефодий залил себе ноги и превратил комнату в филиал подмосковного болота где-то в районе Талдома.

Закончив возиться со стулом, Мефодий огляделся: не видел ли кто его позора. В комнате никого не было, однако это не гарантировало, что кто-нибудь из комиссионеров не подсмотрел и теперь не расскажет Арею. Хотя, возможно, что и не расскажет. В последнее время комиссионеры начали остерегаться Мефодия, особенно когда Арей доверил ему одну из печатей мрака. Пока что Мефодий использовал ее только для продления регистраций, порой в раздражении оттискивая их прямо на пластиновых лбах.

Спать уже не хотелось. Мефодий без особой цели прошелся по комнате и, вспомнив, что неплохо бы попрактиковаться, стал искать глазами футляр с мечом. И он отыскал его, но, к своему удивлению, не на подоконнике, а в углу комнаты, на полу. Не придав этому особого значения, Мефодий открыл футляр и вытащил меч. Внезапно что-то холодное капнуло ему на ладонь.

Удивленно щурясь и не понимая, что за пятно появилось у него на руке, Мефодий подошел к окну. Неясный утренний свет упал на лезвие. Мефодий брезгливо отпрянул. Лезвие меча было в крови. Ее бурые подтеки обнаруживались повсюду – на полу комнаты и на бархате футляра. Кровь давно должна была засохнуть, но она все текла и текла – точно ужас не давал ей остановиться. Она была алая, переливающаяся множеством крошечных огней. Так выглядела кровь созданий света. Мефодий запомнил это, когда Даф однажды случайно поранила палец. Кровь же созданий мрака была иной – медлительной, липкой, с зеленоватым отливом, что бывает на брюшке у мух.

Мефодий отбросил меч, метнулся к тазу и стал поспешно отмывать руки. И хотя пятно было совсем небольшим, вся вода в тазу окрасилась, прежде чем ладонь вновь стала чистой. Отмыть же меч ему так и не удалось. Казалось, кровь теперь останется на нем навечно. Лезвие звенело и трепетало. Мефодий ощущал нетерпение и ярость клинка. Он был как зверь, узнавший вкус крови и не

желавший ничего иного.

– Утихомирься! – сказал Мефодий мечу.

Бесполезно.

«Белли-бей! Убей! Кровь пролей! Кровь как вода в землю уйдет! Алый мак взойдет! Белли-бей!» – с маньячным вдохновением пел клинок. Буслаев ощущал его мелкую нетерпеливую дрожь.

Мефодий обнаружил, что ладонь сжимается помимо его воли. Костяшки пальцев побелели. Ярость клинка передалась его хозяину. Буслаеву внезапно захотелось, чтобы рядом оказался кто-то, кого можно было бы развалить от плеча и до пояса. Арей, Улита, Тухломон – неважно, кто это будет. В этот миг он набросился бы на всякого. Единственная мысль остудила его, и это мысль была о Дафне. Стоило ему представить ее голову с невесомыми светлыми хвостами, не желавшими лежать на месте и вздымавшимися точно крылья, ярость его мгновенно испарилась. Он понял, что никогда не сумел бы зарубить Даф.

Успокаивая меч, которому необходимо было излить ярость, Мефодий дважды опустил его на высокую спинку кровати. Клинок сверкнул молодой луной. Удара он не ощутил, хотя даже не старался потянуть меч на себя, как учил его Арей. Лезвие запело. Вековое дерево распалось легко, точно кровать была из сливочного масла. Лишь когда кровать, разваленная на три части, раскинулась на полу, Мефодий ощутил, что может вновь разжать пальцы и положить меч в футляр. Он был свободен от власти клинка. Несущая смерть магия отпустила его.

Мефодий смотрел на меч, пытаясь определить, откуда могла появиться кровь. Он точно знал, что никто другой не может взять его меч. Даже Арей никогда не позволял себе свободного обращения с ним, перемещая клинок лишь силой чар. Меч Древнира, прошедший множество перерождений, не терпел чужих рук.

«А вдруг я сам в наваждении, под властью черной магии, зарубил кого-то? Но точно не комиссионера! Тогда на клинке была бы не кровь, а чернила с пластилином!» – подумал Мефодий, снова с ужасом вспомнив о Дафне.

Ему захотелось немедленно увидеть ее, понять, что она в безопасности, но как? Где? Он с досадой оглядел комнату, жалея, что здесь нет телефонного аппарата. Ведь Даф по-прежнему жила у него дома.

«Нет, ну дела! Будущего повелителя мрака до сих пор не обеспечили халявным сотовым! А сами Мефодий свет Игоревич телепатически никого вызывать не могут! Магически не доросли! Телефонную станцию взорвать это нам как по дохлой мухе тапкой попасть, а просто звякнуть – нет!» – издевалась порой Улита.

Внезапно Книга Хамелеонов, лежащая на подоконнике, пробудилась. Обложка застучала с неприятным звуком. Так стучит закрытая и разболтанная старая дверь, когда ее бьет сквозняк. У Мефодия сразу тоскливо заныли зубы.

Даже не заглядывая в книгу, Мефодий понял, что его вызывает Арей. Шеф в нетерпении. Еще немного и снизу, с легкостью пронизав призрачную границу пятого измерения, донесется могучий рык. Но до этого лучше не доводить. Эйдосы не любят громких звуков, особенно когда их производят разъяренные создания мрака.

* * *

Одевшись, Мефодий спустился в приемную. Сделал он это неожиданным образом. В углу, прямо на выщербленном паркете, рапирой Улиты была нацарапана руна. Случайно наступать на нее можно было сколько угодно. Но стоило шагнуть в нее с закрытыми глазами, остановиться и произнести: «*Odium generis humani*» [5 - Ненависть ко всему роду человеческому (лат.) .], как ты оказывался прямо в приемной, в полутора метрах от фонтана, из которого день и ночь била струя крымского вина «Черный доктор».

Суккубы, легкомысленные ребята, то и дело норовили поплескаться в фонтанчике в костюме Адама, ловя губами сладкие капли. Лишь после окрика Арея они вылезали из фонтана и, оставляя на паркете винные следы, виновато семенили к Улите продлевать регистрацию. Да и не только суккубов привлекал заветный фонтанчик. Тухломон как-то, играя в утопленника, синий и раздувшийся пролежал на дне фонтана целые сутки и так увлекся, что упустил эйдос Льва Овалова, теоретика словесности, автора мистери «Кол и Бок» и идейного романа «Три свиненка».

Мефодий осмотрелся. В приемной он увидел лишь Улиту, которая, высунув от усердия язык и помогая себе его кончиком – во всяком случае кончик языка двигался синхронно с пером – рисовала на деловых бумагах портрет Эссиорха. На ее столе взбалмошно прыгал огонек свечи.

– Ау! – окликнул Мефодий.

– Уа! – продолжая рисовать, отозвалась ведьма.

– Ты меня слышишь? – усомнился Мефодий.

Улита задумчиво посмотрела на рисунок и подправила Эссиорху линию щеки, добиваясь абсолютного сходства. А поймать сходство было непросто, поскольку недорисованный Эссиорх все время вертел головой и приседал.

– Ты меня слышишь, – подтвердила ведьма после того, как Мефодий еще раз повторил вопрос.

– И чего тебе надо? – спросил Мефодий.

– А тебе чего надо? – эхом повторила ведьма.

– Мне? Мне ничего! – вспылил Мефодий.

Вызвать человека среди ночи, а потом забыть про него, точно он приперся по собственной инициативе. Это вполне в духе их организации.

– Ну и мне ничего! – сказала ведьма.

– Тогда я пошел! – вспылил Мефодий.

– Ну и пошел ты!.. – согласилась ведьма и, заметив, что Мефодий шагнул к руне, сказала: – А, стой, я вспомнила! Тебя шеф вызывал.

Выдав эту информацию, Улита снова вернулась к рисунку.

– Арей в кабинете?

– Не-а. Телепортировал куда-то минут пять назад. Сказал: скоро будет и чтоб ты его дожидался. Все! Не дергай меня! Я уши рисую. Эй ты, нарисованный, не вертись! Знаю, что щекотно! Уши – самая ответственная часть!

– Уши – самая ответственная часть? Почему? – удивился Мефодий.

Улита внезапно отложила карандаш и с негодованием уставилась на него.

– Буслаев, ты что, попугай?

– Чего?!

– Тогда с какой стати ты за мной все повторяешь?

Мефодий обомлел.

– Повторяешь? Я?

– Вот и сейчас тоже! Так только идиоты делают!.. – Улита покрутила пальцем у виска.

– Послушай, ну ты и обнаглела! – сказал Мефодий с восхищением.

Улита ласково провела рукой по волосам и сделала себе челочку на лоб, точно играла в дядю Адольфа.

– Ну я и обнаглела!.. Открыл Америку! Я всегда наглая была, к твоему сведению!.. Наглая и толстая!.. В общем, запоминай, абитуриент! Большие уши бывают у гениев. Маленькие – у студентов, которые сдают сессии досрочно, и у джиннов, заточенных в нестерильную посуду. Вытянутые уши с заглубленной раковиной – у лаборантов технических специальностей и у вурдалаков первого года укушенности. Вот я и пытаюсь вспомнить, какие уши у Эссички, чтобы понять, что он за фрукт! А ты меня дергаешь! Не будешь больше мешать?

- Нет, - кратко сказал Мефодий, опасаясь опять чего-нибудь повторить.

Он отошел от стола ведьмы и стал бродить по приемной, ожидая Арея. Внезапно на глаза Мефодию попало нечто громоздкое, скрытое под длинным красным покрывалом. Кое-где на покрывале проступали следы влажной земли. От неведомого предмета тянуло затхлой гнилью.

«Это еще что?» - подумал Мефодий. Ему не нравились продолговатые предметы, да еще и закрытые. Возникший ассоциативный ряд был не в пользу того, что находилось внутри.

- Откуда это? - спросил он.

- Арей привез, - лениво отозвалась Улита.

- И снова умчался?

- Заявил, что ему нужен какой-то инструмент. И чтобы ты его ждал и не вздумал никуда отлучаться.

- Какой инструмент? - озадачился Мефодий.

Ситуация выглядела странной. Стражи мрака обычно не нуждаются в инструментах. Чтобы снести стену или пробить в сплошном камне двадцатиметровый колодец, им достаточно взгляда или желания.

- Послушай, Меф, я, конечно, умная девочка, но все-таки не настолько, чтобы ответить на любой вопрос, какой у тебя хватит глупости задать, - участливо заметила Улита.

Мефодий осторожно коснулся длинного покрывала. Это было быстрое, почти мимолетное прикосновение, но и его хватило. С пальцами его соприкоснулось нечто мертвенно холодное, твердое, как алмаз. По сосудам к локтю проползла ледяная гадюка. Рука онемела. Заныли виски. Мефодий поспешно отдернул руку и шагнул назад:

- А, вот ты как! - мстительно сказал он странному предмету.

Рассердившись, Мефодий хотел решительно дернуть за длинную кисть и сорвать покрывало, но нечто, более реальное, чем страх или мнительность, остановило его. Он просто почувствовал, что делать этого не стоит. То, что находилось внутри, представляло угрозу не меньшую, чем коса Мамзелькиной.

У него мелькнула мысль спросить у Улиты, но усомнился, что получит ответ. Улита была очень занята, подрисовывая Эссиорху бугристый алкоголический нос. Не ограничившись этим, она изобразила Эссиорху клыки и штук десять вулканических прыщей. Кроме того, она одарила его лыжной, бомжеватоспортивного вида шапочкой и залюбовалась результатом.

- Зачем ты это делаешь? - спросил Мефодий, забывая на время о странном предмете, скрытом покрывалом.

- Что делаю? - не поняла Улита.

- Уродуешь Эссиорха.

Улита задумалась, с удивлением уставившись на карандаш в своей руке. Похоже, она и сама толком не знала, зачем измывалась над изображением Эссиорха.

- Сложный вопрос! Я хочу убедиться, что, когда мне будет нужно, я смогу во всякую минуту выкинуть его из головы. А то что-то я больно часто стала вспоминать о нем в последнее время! - сказала ведьма, старательно изображая рядом с Эссиорхом помойку.

- И ты думаешь, что, рисуя его, ты о нем забудешь? - недоверчиво полюбопытствовал Мефодий.

- Дилетанта видно издали! Я локалирую образ, чтоб изгнать его из сознания! Чтобы разлюбить кого-то, полезно представить его в смешном и нелепом виде. Вот я и работаю над этим. Создаю разносторонний портрет нашего Идеал Идеалыча.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Если бы угодно было судьбе (лат.) .

2

Если не излечивает железо, излечивает огонь (лат.) .

3

Так вы не для себя приносите шерсть, овцы. Так вы не для себя мед собираете, пчелы. Так вы не для себя плуг тащите, волы (лат.). Вергилий.

4

У того мощь дуба и тройной меди (лат.). Гораций, «Оды».

Ненависть ко всему роду человеческого (лат.) .

Купить: https://tellnovel.com/emec_dmitriy/tretiy-vsadnik-mraka

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)